

Роберт Домманже Письма к дядюшке Клодомиру

*OCR&Spellcheck by TaKir <http://epaper.ru/googlepages.com/>
«Роберт Домманже. Дрессировка Фрама. Письма к дядюшке Клодомиру»: «СММ»; Н. Новгород; 1993
ISBN 5-88374-103-7*

Роберт Домманже Письма к дядюшке Клодомиру

*Охотникам, любителям хороших собак,
посвящаю я это руководство.
РОБЕРТ ДОММАНЖЕ*

ВЗРОСЛАЯ ПОДРУЖЕЙНАЯ СОБАКА

Ну-с, дядюшка Клодомир, Вы убедились? Вы даже глаза вытаращили, когда в Рессоно Бастинье пустил Изельта, а бывало Вы лишь головой покачивали, когда кто-нибудь делал вид, что сомневается в Ваших талантах дрессировщика, и говорили, что геометрический поиск хорош только в книгах, чтением которых Вы пренебрегали. Вы были смущены, видя, как этот славный грифон искрещивает, с правильностью часового маятника, небольшим, легким галопом обыскиваемый участок.

Вы никогда не хотели сходить посмотреть на испытания, несмотря на это, поверив похвалам нескольких мнимых знатоков, Вы собирались вывести на них Вашего кортальса; к счастью, я Вам это отсоветовал и избавил Вас от промаха.

Лучше было побывать на испытаниях сперва в качестве зрителя, не правда ли? Конечно, у Вашего Брискара хорошее чутье, он не срывает со стойки, не бросается за вскочившим зайцем, возвращается по свистку, но с его манерой искать только прямо перед Вами, не отходя ни направо, ни налево, он сможет найти почти только ту дичь, которую Вы, подвигаясь вперед, столь же успешно, могли бы поднять и сами.

Ваш кортальс не умеет искать, вот и все; прежде Вы раскричались бы, если бы Вам это сказали, а теперь Вы только почесываете в затылке, думая: «жаль, что я не видал раньше полевых испытаний».

Для Вас дрессировка до сих пор состояла в сокращении горячности собак, в обуздывании их, как Вы выражаетесь. В Рессоне я осязательно доказал Вам ошибочность Вашей методы: настоящая дрессировка заключается лишь в управлении горячностью собаки, в преобразовании

ее, так сказать, в полезную работу.

Вам, дядюшка Клодомир, простительно не знать того, чему Вы никогда не учились; Ваш отец тоже дрессировал собак кое-как, а кончалось тем, что они, благодаря постоянной практике в местах, богатых дичью, становились, вообще говоря очень сносными работниками; опыт заменял им правила.

Отец Ваш, превратившийся в лесника из жандарма, был твердо уверен, что неподвижность при взлете куропаток и подача, вместе с некоторым послушанием, составляет максимум того, что можно требовать от подружейной собаки. Кто же мог разубедить его в этом?

В Вашей школе Вы не могли приобрести достаточно познаний, чтобы быть в состоянии теперь ставить себя на одну доску с профессорами. На сотню французских лесников, дрессирующих подружейных собак, придется девяносто восемь таких, которые не пошли дальше Вашего, ибо у них не было никого, кто бы мог служить для них хорошим образцом.

У Пойнтер-Клуба была мысль основать школу дрессировщиков, где бы практик, известный своими успехами на фильдтрайлах, научил бы лесников лучшим методам, но проект этот канул в Лету и люди, желающие учиться, были вынуждены пробовать на деле то, о чем они узнавали из книг и главным образом, приходиться, как Вы, дядюшка Клодомир, в качестве зрителя, на испытания.

При добром желании, конечно, и ощупью можно достичь кое-чего, но это ничто, в сравнении с пользой, которую можно и было бы получить, работая рядом с опытным человеком.

М. Лелимон, голландский любитель, судящий на испытаниях Франции, Бельгии и Германии, которого Вы видели в Рессоне, сообщил мне следующее наблюдение: «Немецкие дрессировщики отличаются старательностью, с которою они разрабатывают у своих учеников правильный поиск, прежде даже, чем видеть последних на работе по дичи и требовать от них спокойствия при взлете, поэтому работа их собак всегда приятна и полезна, собаки эти обыскивают большое пространство, не выходя из рук ведущего их, и получаемся уверенность, что они будут» умными слугами, когда узнают о том, что нельзя бросаться за дичью».

Я Вам уже говорил о Петере Юрбе, который вел к победам сеттеров М. Ришара и питомника О'Юккль-Сталь; если бы Вы, чтобы узнать, как он забирает в руки столь страстных собак, как его ученики, спросили его об этом, он ответил бы Вам что-нибудь очень мало вразумительное, но что должно бы было означать приблизительно следующее: «Заставляя их искать, направо и налево и не пуская их идти по ветру».

Вот прекрасное объяснение: когда собака, следуя своему инстинкту, стремится вперед, теряется возможность позвать ее; когда же она, сделав оборот, возвращается, она идет при самом неблагоприятном направлении ветра и рискует столкнуться с дичью, кроме того, она оставляет справа и слева много необысканного места; наоборот, собака, работающая челноком при каждом движении в сторону, проходит перед ведущим ее и последний легко может ее позвать, она обыскивает все места и стоит ей слегка повернуть голову, как она будет иметь ветер в три четверти, что вполне достаточно.

В начале моей охотничьей деятельности, Вы назвали меня, дядюшка Клодомир, конькобежцем, потому что в поле я ходил так быстро, как зимою бегают на коньках по льду канала и сам столь усердно выделывал зигзаги на громадных полях свекловицы, что со мной чуть не делались судороги.

Не упускайте из виду, Клодомир, сколько лет я не охотился на Ваших местах и вспомните, если у Вас достаточно хорошая для этого память, как на последнем открытии охоты Вы мне сказали: «Конькобежец-то охладел, теперь про Вас можно сказать, что Вы топчетесь на одном месте».

Я прибавлю, что вечером Вы были очень удивлены, видя, как Ваш сын Ригобер вынимал из принесенной им корзина двадцать пять штук куропаток, которых мы и сочли, как максимум.

Когда я делал свои первые охотничьи шаги с Мирзой, которого Вы дрессировали, я стрелял только потому, что много ходил; теперь я стреляю потому, что моя собака обыскивает большое пространство, сам же я не иду туда, где ничего нет, это уменьшает мне число переходов, и я лишь пользуюсь удовольствием стрелять дичь из под верной стойки.

Вместо того, чтобы идти по свекольному со скоростью шести километров в час, я беру скорость около тридцати метров в минуту, скорость, которую можно поддерживать без усталости в течение пяти или шести часов, и заставляю свою собаку искать челноком, на сколько возможно правильно, на сорок метров направо и настолько же налево, и, таким образом, обыскиваю полосу земли от восьмидесяти до ста метров шириной.

Прежде, чтобы обыскать то же пространство, сколько ходьбы зигзагами мне бы понадобилось?

Что удивительно, так это то, что по мере того, как я знакомился с хорошими собаками и проникал в таинство истинной дрессировки, я начинал находить, что собаки идут недостаточно быстро.

Всю ту страстность собак, которая толкает их вперед, я мало-помалу, хитростью, заставляю служить им при работе челноком.

Я мог бы привезти Вам, дядюшка Клодомир, мои, вычисления, но я знаю, что Вы мне достаточно доверяете, чтобы и без них Припятть мои окончательные цифры, итак: собака, с которой я охочусь, делает свои движения челнока направо и налево в расстоянии десяти метров одно от другого, что является хорошим расстоянием, чтобы не пропустить притаившейся куропатки, и, простирая их на пятнадцать метров в каждую сторону, принуждена идти со скоростью восемнадцати километров в час, а ведь это не скорость ковырялки.

Скорость филдтрайловых собак большого поиска около тридцати шести километров в час. С такой собакой, если она послушна, можно, идя все время по тысяче восьмьсот метров в час, обойти участок в двести метров шириной, но это не практично для Франции, где часто пользуются одной собакой для пяти или шести часов охоты. Сто километров в день – этого достаточно. Лучше обойти лишнюю сотню метров на участке, что даст большую возможность держать собаку в руках. Чтобы успокоить слишком горячую собаку, заставляют ее сузить ширину ее челнока.

Дрессируя, доходят до понимания факта, кажущегося, вообще говоря парадоксом, а именно: убеждаются в том, что собаки с быстрым ходом прекрасно подходят для охотников, которые не могут много ходить.

Но эту дрессировку я изучил, не прогуливаясь сзади Мирзы. Я читал, перечитывал и сравнивал сочинения о дрессировке, следил, в течение нескольких лет за филдтрайлами, смотрел на работу лучших дрессировщиков у них дома, испытывал методы с различными собаками и кончил тем, что приобрел известную опытность, которой и хотел бы быть Вам полезным; сознайтесь, дядюшка Клодомир, что Вы будете горды, если Ваш сын принесет Вам филдтрайловый приз, полученный собакой, которую Вы натаскивали оба.

Существует много способов учить детей, все они хороши, если хорошо применяются: с умом и последовательностью: существует также много методов, чтобы добиться того, чего Вы хотите от подружейной собаки, я Вам изложу некоторые из них, с которыми Вы сможете, дядюшка Клодомир, быстро добиться результатов.

Когда Вы будете несколько опытнее, Вы лучше поймете объяснения, даваемые в книгах, и, смотря по характеру собаки, сможете, если Вам это нравится, попробовать те, или другие способы, которые там рекомендуются, как хорошие, чтобы отдать себе отчет в их действительности.

Позднее, я Вас пошлю, во время состязаний, посмотреть профессиональных дрессировщиков, работающих своих собак. Вы побеседуете с ними, но не думайте, что методы, которым они следуют, бесконечно лучше моих: их опытность позволяет им применять их успешно, вот и все.

Моя идея показать Вам профессиональную дрессировку.

Не пугайтесь этого слова. Ваш мальчик хочет быть дрессировщиком, у него это в крови, я это отлично вижу, надо дать ему в руки верные способы, удающиеся со всеми собаками и в возможно кратчайшее время.

Вы часто беседовали с подмастерьем с прядильни X-а... всякий любит поговорить о своем ремесле, поэтому и он каждый раз, как Вы его видите, повторяет: «В течение этой недели мы произвели столько-то и это нам обошлось столько-то». И промышленная задача состоит в достижении самого большого количества выработки в условиях наибольшей экономии.

То же самое и в дрессировке, очень выгодно иметь возможность дрессировать возможно быстрее и, в то же время возможно лучше.

Слова «профессиональная дрессировка» ясно показывают, что мое руководство создано не для охотника, или лесника, имеющего одну собаку, а для того, кто желает сделаться профессиональным дрессировщиком.

Я Вам посылаю пойнтера Фрама, которого я только что купил и который, несмотря на то, что ему уже год и три месяца, едва знает свою кличку, тогда как бельгийские пойнтера, его сверстники, уже выигрывают призы на филдтрайлах.

Вы будете дрессировать Фрама, следуя моим советам. Если дело у нас пойдет, мы запишем его в будущем году на состязания среднего поиска или практической охоты.

Если мы добьемся удачи, я отдам в Ваши руки представителя чистого спорта, с которым Ригобер будет дебютировать на испытаниях большого поиска.

Так как чаще всего охотники отдают в дрессировку взрослых собак, то я думаю, Фрам, сослужит Вам хорошую службу, как для Вашего собственного обучения, так и для обучения Вашего сына.

С другой стороны, в моей практике дрессировщика, имелись и более молодые собаки, не трудно было бы здесь их перечислить. Конечно, моя метода, плодотворна по своим результатам, даже если она прилагается к обучению щенят.

Можно браться за обучение собаки с любого конца; то их сначала обучают ложиться, то подавать, то искать челноком, Это не важно: можно их учить всему сразу. Я не противник такого способа, но чтобы добиться успеха надо принять за священное правило следующее: собака может выходить из своей будки, или выгона, только для прогулки с нами или для работы, а ни как не; для того, чтобы путаться по своему произволу.

ПРИБРЕТЕНИЕ ДОВЕРИЯ

Первая принадлежность дрессировщика – блуза с большим карманом, подшитым провоенным полотном, куда кладут сухари, или лучше, жареные гренки, а еще лучше, – мясо.

Прогулки собаки, как я их понимаю, должны происходить по дорогам, у ног идущего пешком дрессировщика, или за колесом его велосипеда. Вы быстро достигнете такого послушания, во время прогулок, дядюшка Клодомир, пользуясь сворками; две собаки идут сзади охотнее, чем одна; можно пригрозить тростью тем, которые будут пытаться обогнать Вас, и крикнуть: «назад». Не худо иметь в кармане несколько кусков сухарей, чтобы, время от времени, побаловать ими идущих сзади собак, заноса руку за спину и давая маленькие кусочки каждой из них, повторяя постоянно «назад».

Когда Ригобер, в течение нескольких дней, будет заставлять сосворенных воспитанников, на прогулке, следовать за велосипедом, пусть он сильно сдерживает ход, чтобы не утомить собак и пусть, время от времени, останавливается, чтобы дать животным возможность испражниться. Данный во время кусочек сухаря поддержит добрые отношения с собаками.

Эти прогулки полезны для здоровья собак, служат им первыми уроками послушания, приучают доверять хозяину и приводят в хорошее состояние их мускулы, легкие и ноги.

Более или менее скоро, смотря по характеру собак, можно будет снять с них сворки.

Я, дядюшка Клодомир, упомянул о выгуле, ибо слышал, что Вы не запираете моих собак каждый день в будку. Так как к вашему двору примыкает маленький лужок, площадью в один гектар, то позволяйте собакам, по часу утром и вечером, гоняться на нем за ласточками, это принесет им только пользу.

Вы по опыту знаете, как скучно дрессировать собаку, боящуюся выстрела. Вспомните Полону, прелестную сен-жерменскую суку, купленную на выставке двоюродным братом Вашей матери. После шести месяцев бесплодных усилий, потраченных на искоренение этого порока, ее продали, как производительницу, для питомника, не имев возможности заставить ее работать.

Я однако думаю, что вылечить собаку от столь излишней нервности возможно, но это потребует много времени; ну, да об этом мы еще побеседуем.

Мы занимаемся профессиональной дрессировкой и не можем терять ни минуты.

Возьмите дешевые гильзы, всыпьте по два грамма черного пороха, положите на всю остальную высоту пыжи и закрутите.

Каждое утро и каждый вечер, в то время, как Вы будете кормить собак, Ригобер будет делать два или три выстрела, отойдя на порядочное еОстояние от будки: в первый день, по крайней мере, на сто метров.

Ему можно будет подойти только тогда, когда собаки не будут даже носа подымать от чашки, слыша выстрел. Чем медленнее будет уменьшаться расстояние, тем вернее будет успех.

Обычно применяют противоположный метод: стреляют рядом с собакой; если она не испугается, – отлично: она уже приучена к выстрелу, если же испугается, то принимаются за постепенное отучение от боязни, что уже требует много времени, а с некоторыми собаками и совершенно не удается.

Даже когда собаки будут приучены к выстрелу, Ригобер не должен стрелять совсем рядом с ними: резкий звук выстрела действует на нервные натуры сильнее вблизи дома, чем в открытом поле. Всегда надо стрелять на некотором расстоянии от собак и вне поля их зрения.

Я не могу покончить с этим вопросом, не сказав, Вам, что некоторые дрессировщики, чтобы заставить вновь прибывших собак привязаться к себе и относиться с доверием, предпочитают не эксплуатировать их аппетита, а обращаться к их половым чувствам, пуская в ход руки, предоставляю Вам догадываться каким образом. Когда вид ружья, или звук выстрела, вызывает у собаки воспоминание об известном половом ощущении, самая боязливая из них быстро забывает неприятное чувство, доставленное ей слухом. Это входит уже в область фокусов дрессировки, но я обещал ничего от Вас не скрывать.

Можно также приучить собак к выстрелам, поместив их на выкормку вблизи шумных мест, как заводы, тиры и т. д.

Я вылечил одну суку от боязни выстрелов, поставив ее будку в сарай, где стоял мой автомобиль; глухие взрывы мотора с одним цилиндром сначала огорошили ее, затем она к ним привыкла, тогда я предоставил свободный выход газам, что производило сильный шум и, мало-помалу Элла стала равнодушной к выстрелам. Действуйте и Вы столь же настойчиво и даже более, приучая к выстрелу, иначе, позднее, Вы будете иметь неприятные неожиданности.

Слишком строгое, с помощью парфорса, укладывание при выстреле, еще увеличит боязнь собаки; выстрел станет для нее тем более неприятным, что он явится для нее предвестником грубого насилия.

С собаками, несколько изнеженными, надо много такта.

В присутствии собак лучше стрелять сначала из револьвера, а не из ружья, ибо, таким, образом, собака не получит привычки бояться последнего и дрожать при виде его.

Напротив, нельзя лучше приучить собаку любить ружье, как давать ей облизывать ложу, намазов ее предварительно медом, салом, или чем-нибудь другим вкусным.

Но, скажу вам потихоньку, если бы я сам был профессиональным дрессировщиком, я брал бы себе в работу только собак, относящихся безразлично к выстрелу.

ОТЗЫВ

Всякий раз, когда я приезжал к дрессировщику, чтобы попробовать собаку, я просил его: «Пустите собаку в поле», затем, через две минуты: «Благоволите ее позвать». Кажется, совсем просто позвать собаку? Ну-с, а на деле приходится думать, что это очень трудно, ибо на одну собаку, возвращающуюся галопом и без колебания, по первому зову, приходится пятнадцать, которых надо звать по несколько раз и которые возвращаются неохотно. Если бы Вы видели, дядюшка Клодомир, физиономию этих славных людей, когда я им говорил: «Можете увести собаку, я ее достаточно видел»; я чувствовал, что они принимали меня за невежду или плохого шутника.

Собака должна являться по первому зову.

Каков будет этот зов? Как нам добиться желаемого результата?

Я пробовал различные свистки, маленькие сигнальные рога и несколько жестов, чтобы дать знать собаке, что она должна вернуться ко мне. Окончательно я остановился на следующем: я беру чистый свисток и, нагнувшись, свищу так: фьюфью-фьюфью-фьюфью.

Пусть собаки получают ласку, или лакомство, когда они прибегут, и они будут прибегать охотно, почти инстинктивно к своему хозяину, когда последний нагнется, а если постараться не обманывать их ожиданий, они достаточно быстро приобретут эту похвальную привычку.

Выпустите трех или четырех собак, пока Вы еще не кормили их, на Ваш огороженный луг для прогулок и запритесь там с ними вместе с Ригобером; у Вас обоих в карманах по полтора десятка жареных гренков и свистки; Вы становитесь на двадцать метров друг от друга.

Вы, Клодомир, нагнетесь, свистя фьюфью-фьюфью-фьюфью... Если собаки не явятся к Вам, назовите их по кличкам и, оставаясь в согнутом положении, дайте каждой по одному гренку, потом выпрямитесь.

Через несколько времени наступит очередь Ригобера. Он тоже нагибается, давая свистки и подзывая собак; если не все решатся немедленно идти к нему, не беспокойтесь: видя, как Ригобер раздает гренки и эти уступят чувству зависти и голода.

Когда раздача кончена и Ригобер разогнулся, снова Вы нагибаетесь и свистите, как и всегда, трижды: фьюфью...

Вот схема. Можно увеличивать расстояние, отделяющее дрессировщиков друг от друга, и постепенно добиться желаемых результатов, но потребуется, по крайней мере, шестьдесят уроков, по четверть часа каждый, чтобы собаки начали рутинироваться.

Я часто буду пользоваться выражением: «рутинироваться»; когда собака выучена, она повинуетя, соображая, сопоставляя мысль о том, что она должна сделать, с мыслью о подачке, или наказании; когда она рутинирована, она повинуетя, как бы побуждаемая естественным инстинктом – вот чего надо добиваться, чтобы собака не делала ошибок.

В словаре – «рутина» определяется так: способность приобретенная большой привычкой; это говорит Вам, Клодомир, что надо постоянно возвращаться к одним и тем же упражнениям, чтобы собака исполняла их машинально.

Я видел дрессировщиков, которые благодаря большой опытности и уменью, представляли своим клиентам собак, хорошо выдрессированных, но три дня спустя, эти клиенты были в горе, видя, как те же самые собаки гоняют дичь вместо того, чтобы сделать стойку, и совсем отказываются подавать; это я видел много раз: проданные собаки были дрессированы, но не были рутинированы, вот и все.

Это Вам показывает, что, если Ригобер хочет впоследствии заняться дрессировкой серьезно, он не должен искать себе места, где бы он мог быть, как это часто бывает, одновременно: привратником, садовником, лесником, фазанмейстером, дрессировщиком, егерем и т. д. Профессия дрессировщика может быть настолько же прибыльной, настолько интересной, если человек может отдаться ей и душой и телом, не думая ни о чем другом.

Во все времена года можно работать с собаками, – позднее мы увидим каким именно образом.

Вам, Клодомир, никто не мешает записаться каждое утро и вечер, минут на двадцать, с Фрамом в риге, чтобы научить его подаче. Вы уже почти знаете, как за это взяться; если дело у Вас не идет, как бы нам хотелось, я быстро научу Вас моим собственным способам для достижения правильной подачи по приказанию; мы особенно заинтересованы теперь тем, чтобы приготовить Фрама к его первому выходу на охоту.

Мы учредим учебную команду, как говорят в полку.

Разве Ваша племянница, дающая теперь уроки игры на рояле, не играла гамм и упражнениях: прежде, чем стала играть целые музыкальные отрывки. Вы сами, Клодомир, постоянно говорили: «Целина – уже опытная музыкантша, но она не играет песен – это смешно».

Теперь способность Целины развилась, и она без нот играет все мотивы, которые слышит. У Фрама позднее тоже обнаружится, в своем роде, большой талант, но начинать ему тоже надо с гамм и упражнений.

Когда собака относится уже с доверием к дрессировщику и охотно ему повинуетя, остается еще научить ее повиноваться быстро и при всяких обстоятельствах. Строгий парфорс нужен, главным образом, как средство понуждения.

В первые дни дрессировки надо всегда одевать его собаке.

Лучший парфорс – это стягивающийся ошейник, снабженный остриями, который

действует только тогда, когда этого желают.

Всякий раз, как Фрам не тотчас подбежит на Ваш зов, – а это время от времени будет случаться, – Ригобер должен пойти к нему, быстро схватить за конец сворки, привязанной к ошейнику, и тащить его, с желаемой силой, к Вам.

Вызывайте искусственно случаи неповиновения, например, свистите, когда Фрам в ста метрах от Вас ест вкусный суп, который дал ему Ригобер, заставив предварительно поголодать.

Если собаки не бросают своей миски при первом свистке, сын Ваш должен действовать крайне энергично.

Дисциплина имеет свои требования.

Благодаря благодетельной рутинированности, достигнутой мягкими способами, небольшие принудительные уроки повиновения будут необходимы не часто.

Профессиональный дрессировщик должен был бы держать крупную и быструю собаку, приученную догонять собак, на которых ей укажут, хватать их за ошейник и приводить обратно. Такой Мушкетер, содержимый Ригобером в поле, был бы всегда готов бежать за Фрамом, если тот не послушался призывного свистка – по рассеянности ли, по независимости ли характера или по жадности к дичи, которую он чует или гонит.

Пусть собаки больше не увлекаются и не пьянеют от страсти – иначе неизбежная кара постигнет их тотчас, как только они не послушают свистка.

Укладывание

Когда Вам, Клодомир, иногда говорили, чтобы Вы заставляли ложиться подружейную собаку по жесту или по приказанию словами, Вы пожимали плечами и ссылались на некоторых старых: охотников, уже бросивших давно охоту, которые никогда не требовали такой дрессировки от своих собак, пользовавшихся хорошей репутацией. Ваш отец когда-то также пожимал плечами, когда видел первые центральные ружья Лефоше, что не помешало ему под старость иметь одно из них.

Быть может, больше разницы между современным, хорошо дрессированным, пойнтером и беспородными псами, выученными при помощи палки, чем между пистонным ружьем и бескурковкой с эжектором.

Если Вам угодно знать, раз уж мы начали об этом говорить, мое мнение об укладывании собаки, то вот оно: укладывание хоть и не необходимо, но столько дает удобств, что было бы большой ошибкой обходиться без него. Что бы об этом ни думали, но оно упрощает, а не усложняет, дрессировку.

Вы будете заставлять Фрама ложиться посредством очень легкого протяжного свиста: «фьюю» и поднятия правой руки.

В Вашей риге Вы будете хорошо защищены от всего, что могло бы развлекать Вашего ученика во время этого первого урока лежания.

Ригобер, держа Фрама на сворке, будет медленно его укладывать руками в то время, как Вы, поместясь перед ним, поднимете руку и будете свистеть: фьююю. Отступите несколько шагов и, через полминуты, наклонившись, свистите: фьюфью-фьюфью-фьюфью: Ригобер подбежит и притащит собаку, которую Вы осыплете ласками.

Если собака оказывает сопротивление, желая оставаться распростертой, то несколько легких подергиваний парфоса заставят ее понять необходимость повиноваться.

Потребуется немного времени, чтобы Фрам, которого Ригобер держит все время на сворке, лег сам при звуке свистка. Небольшая палочка поможет Вашему сыну удержать голову собаки прижатою к передним лапам.

Двух уроков, по двадцать минут каждый, достаточно.

Мы переходим к работе очень важной по ее результатам (я называю ее «работой в круге»); она производится на дворе, или под большим навесом, если таковой имеется. Для Вас будет удобна общественная залежь, находящаяся сзади Вашего дома.

Ригобер, держа все время Фрама на сворке, будет ходить, описывая вокруг Вас круг, радиусом в двадцать метров; время от времени Вы будете свистеть «фьююю» подымая правую руку и, тотчас, Ваш сын должен будет заставлять собаку ложиться.

Я, предполагаю, что сын Ваш ходит по кругу так, что его правое плечо приходится внутрь круга; когда Вы, дядюшка Клодомир, были гусаром, Вы называли это «вольт направо»; мы не будем менять терминов.

Сделав несколько шагов вперед и протянув правую руку направо, Вы говорите: «иди»; Ригобер тотчас двигается, таща собаку в указанном направлении и, пройдя так несколько шагов, постепенно переходит опять на окружность круга, центром которого являетесь Вы.

Через пятнадцать секунд свистите: фьююю, подымая правую руку, и снова действуйте, как это только что было описано.

В течение двадцати минут Вы легко успеете проделать это упражнение двадцать раз вправо и столько же влево.

От времени до времени свистите, наклонившись: фьюфью-фьюфью-фьюфью, а Ваш мальчик пусть отпускает Фрама, который и будет подбегать к Вам за лакомствами и ласкою, на которые Вы не поскупитесь.

Большим преимуществом этой системы является возможность научить собак, с ее помощью, падать немедленно, как только они услышат приказание, даже если приказывающий находится на некотором расстоянии, и снова подниматься только по команде. Радиус круга без затруднения можно изменить от десяти до ста метров. Когда Фрам поймет, что от него требуется, Ригобер сможет брать с ним другую собаку, работа от этого не пострадает, напротив: только выиграет. Приобретя небольшую привычку, можно работать четырех собак сразу, – подумайте, какая экономия времени!

Благодаря этой системе, результат достигается так быстро, что является соблазн прекратить уроки, но это большое заблуждение. Надо, по крайней мере, шестьдесят уроков, чтобы достичь рутинированности, без которой результаты ничего не значат.

Когда Фрам будет ложиться, как бы по инстинкту, около Вашего сына, последнему можно будет не держать в руках сворки, а дать ей тащиться по земле; затем, когда собака будет хорошо ложиться, положив голову на лапы, ему можно будет, мало-помалу, удаляться от нее, наблюдая, чтобы Фрам был совершенно неподвижен.

Если Фрам поднимется до приказания, надо, не колеблясь, отвести его на покинутое им место, уложить и продержать его несколько времени. Некоторые советуют привязывать упрямого ученика к кольцу, укрепленному у поверхности земли; это не чудо, но нужно только тогда, если собака обладает упорным характером.

В Англии до того требовательны в вопросе о неподвижности собаки при лежании, что позволяют ей подняться только после того, как коснутся ее рукою. Мой друг Н... купил в Англии прекрасного черного пойнтера, вполне готового, возвращавшегося к ногам и по свистку, и по жесту; при первом выходе в поле собака легла, увидев зайца. Как Н..., не вполне знавший требования англичан, ни свистел, ни звал, собака не возвращалась, она лишь повернула голову, а глаза ее, казалось, говорили: «я очень бы хотела, но не могу».

Н..., думая, не заболела ли собака, подошел к ней посмотреть, что с нею, но, едва он протянул руку, чтобы ее погладить, как пойнтер пошел в поиск правильным челноком. Я был тут же, и мы много смеялись над Н...

Эта собака была рутинирована на лежании перед зайцем и на отправлении в поиск по прикосновению руки.

Великолепным вариантом «работы в круге» является «работа по вытянутой цифре восемь»; вместо того, чтобы двигаться по окружности, Ригобер будет вести Фрама по направлению большой восьмерки, длиной пятнадцать метров, обозначив ее на земле с помощью колышков. Подумав немного, Вы поймете, дядюшка Клодомир, что я имею основание назвать эту работу «поиском на месте». Действительно, собака идет почти по прямой линии, оканчивающейся заворотом, переходящим опять в прямую, заставляющую ее пройти перед Вами; следуя по тому же направлению, она делает опять заворот в ту же сторону, что и предыдущий (что очень важно) и снова проходит перед Вами и так дальше.

Если бы Вы не оставались на месте, а шли вперед, мы и получили бы тот геометрический поиск, о котором я Вам говорил и всегда буду говорить.

Я не хочу сейчас распространяться о всех способах для его достижения, так как, в настоящий момент, мы изучаем укладывание собак, но в виду того, что работа по восьмерке

столь же полезна для Фрама, как и другие, очень стоит, когда работа в круге достигнет своей цели, дать ему первый урок поиска челноком.

Вы свистнете «фьююю», когда Ваш сын будет находиться на какой-нибудь точке восьмерки – неважно на какой именно. Если с помощью Вашего мальчика, держащего сворку, Вы заставите лечь собаку в то время, как она направляется к центру восьмерки и хорошо Вас видит, Вы заставляете ее подняться, произнося «иду» и протягивая вперед руку; если же, наоборот, вы заставите ее лечь в то время, как она удаляется от Вас и, следовательно, не может Вас видеть, жест будет бесполезен, и поэтому, достаточно будет приказание словом.

Так как у Ригобера прекрасные легкие, он сможет вести Фрама по восьмерке гимнастическим шагом.

Мало-помалу, Вы будете замечать, что, когда собака Вас видит, свистки и слова будут становиться излишними и Фрам будет пассивно повиноваться жестам.

Исправляю свою забывчивость: я упустил из виду посоветовать Вам придавать Вашему голосу, или свистку, силу только лишь необходимую для того, чтобы они были слышны собакам. На охоте бывают тысячи случаев, когда шум вреден, а собаки, привыкшие повиноваться громкой команде вблизи, выходят из повиновения, когда удалятся и когда, поэтому, команда теряет для них свою звучность.

Вы получите двойную пользу, занимаясь этим упражнением на дороге.

Работать здесь можно почти всегда, лишь бы ветер высушил дорогу, тогда как работа в круге требует или навеса, или хорошей погоды, ибо и люди и собаки не любят топтаться по сырой земле.

Мы начнем работу на дороге, когда Фрам уже вполне понял значение свистка.

Ригобер держит Фрама, уложив его на дороге; отойдите на пятьдесят шагов и свистите, нагнувшись: фьюфью-фьюфью-фьюфью; Ригобер побежит к Вам гимнастическим шагом, ведя собаку; когда он будет от Вас в двадцати шагах, поднимите правую руку и свистните: фьююю; резким толчком своры Ригобер заставит Фрама упасть распростершись. Идите по направлению к нему и проходите мимо него сначала шагом, затем бегом; пусть Ваш сын отпустит сворку и отойдет, но будет следить за тем, чтобы Фрам все время оставался на месте; наконец, подойдите к нему и приласкайте, не позволяя ему встать. Если он захочет подняться, свистните тихонько губами фьююю, или, лучше, скажите «лечь», если Вы желаете пользоваться также и словами.

Ваш мальчик взялся за сворку; встаньте на краю дороги, немного впереди Фрама, чтобы он мог Вас видеть, и протяните руку к середине дороги, произнося: «иди». Ригобер двинется, ведя собаку в указанном направлении.

В то время, как Фрам удаляется от Вас, свистните: фьююю; Ваш сын, коротким толчком своры, заставит его упасть распростертым на землю, а сам будет то уходить от него, то возвращаться, то бегать направо и налево; в один прекрасный момент Вы свистните, нагнувшись: фьюфью-фьюфью-фьюфью и, если собака подбежит к Вам, Вы ее наградите.

Вы понимаете, что, таким образом, собака привыкает повиноваться, идет ли она к Вам, или удаляется, а также приучается идти в направлении, указываемом рукою.

Так как вблизи Вашего дома проходит большая дорога из Парижа в Суассон, Вы сможете использовать ее ширину «для работы по восьмерке».

Дело Вашего чутья – определить момент, когда Ригобер сможет добиться послушания, не держа собаку на сворке.

Мало-помалу, Вы перейдете к работе двух, а затем и четырех воспитанников одновременно.

Когда Вы дадите собакам двадцать уроков, Вы воспользуетесь ружьем, вместо свистка. Будет ли это при работе на кругу, или на дороге – метод останется тот же.

Я повторяю Вам, что уже говорил по поводу выстрела: действуйте очень осторожно, особенно с собаками нервными. Заставьте водить их по кругу очень большого радиуса нескольких вместе и стреляйте, отворачиваясь от них в противоположную сторону.

При помощи этого метода и настойчивости я вылечил нескольких собак, о которых думал, что они испорчены на всю жизнь.

Когда собаки работают вместе, они бывают смелее, чем работая в одиночку.

Я не сумею, дядюшка Клодомир, в достаточной степени обратить Ваше внимание на выгодность для Вашего предприятия одновременной работы с несколькими собаками.

Во многих питомниках бывают собаки, с которыми едва ли занимаются по четыре раза в неделю, поэтому и через три месяца у них не видно больших успехов. Если Ригобер может устроиться так, чтобы заниматься впоследствии с собаками утром и вечером, у него через три месяца собак нельзя будет узнать. Собака ложится по жесту, по свистку, при выстреле, но она должна еще ложиться при виде другой лежащейся, или садящейся, собаки; это будет хорошей подготовкой для парной работы или для филдтрайлсов, где требуется секундировка.

Отправляясь работать на дорогу, возьмите на сворку Брискара, а Ригобер будет следить за Вами, ведя Фрама в двадцати метрах; от времени, до времени, заставляйте Брискара то ложиться, то садиться, а сын Ваш, легким толчком сворки и незаметным свистом, пусть тотчас же заставляет распостираться Фрама. Двигайтесь с Брискаром вперед и, когда Вы сделаете несколько шагов, пусть Ригобер скажет: «иди» и опять следует за Вами.

После нескольких таких прогулок, Фрам довольно быстро рутинируется в этом упражнении, во-первых, потому, что он, мало-помалу, становится дрессированным, во-вторых, потому, что способность подражания сильно развита у собак.

Укладывание, при взлете птицы и при виде зайца, явится темой специального письма, когда мы решим, что Фраму уже можно показать дичь. Ждать придется недолго, ибо выгодно сделать это возможно раньше, так как, чем больше дичи увидит собака, тем лучше. Как упражнение, я предлагаю Вам всегда заставлять Ваших собак ложиться прежде чем позволять им есть.

У меня в одном помещении было до десяти щенят, которые дошли до того, что сами ложились перед своими чашками в то время, когда ходивший за ними человек раздавал им кашу, и подходили к еде по одному, когда их вызывали по кличкам.

Так как мы коснулись вопроса о корме, я Вам, кстати, посоветую строго наблюдать за тем, чтобы Ваши собаки не усвоили себе привычки закапывать какие-нибудь куски, ибо иначе у них впоследствии появится стремление прятать дичь, упавшую вне поля Вашего зрения, вместо того, чтобы подавать ее Вам.

Надо приказывать строго наказывать собаку, собирающуюся что-нибудь прятать.

Поиск

Настал момент учить Фрама правильно искать, иначе сказать, разрабатывать его поиск; работа по восьмерке дала ему об этом первое понятие.

В руководствах говорится об этом вопросе не совсем ясно; хотя многие из них написаны людьми, видевшими работу хорошо поставленных собак.

Несмотря на все случаи, которые могли бы мне привести в доказательство чудесных свойств собачьего инстинкта, я остаюсь убежденным, что геометрический поиск совершенно необходим; по нему я всегда сужу о способностях дрессировщиков и, не хвастаясь, скажу, что я редко обманываюсь.

Если Ригобер достигнет того, что будет сдавать своим клиентам собак, не оставляющих необыкновенных мест, ему придется отказываться от части собак, предлагаемых ему в дрессировку, ибо какова бы ни была его цена, предложения будут сыпаться в изобилии.

Но я буду проповедовать уже обращенному, а Ваше обращение, дядюшка Клодомир, началось весною в Рессоне и было довершено на испытаниях по французскому способу в Гиньеминкюре; видя, как егеря Барбари вел Так-Фрама – горячего черного пойнтера, дрессировка которого началась лишь в июле, Вы поняли, что поиск челноком был единственным средством держать в руках это страстное животное.

Можно вести собак в поле и заставлять их искать прежде, чем учить их чему бы то ни было другому, если они, хоть немного, знают отзыв по свистку; многие дрессировщики так и поступают.

Собака пущена в поиск; дают ей идти в указанном направлении, затем свистят: «фьюфью» и идут в противоположную сторону; при звуке свистка собака поворачивает голову, и, видя, что ее хозяин удаляется, она подбегает к нему и, если ее в это время немного ободрить жестом или

словом «иди» она бросится вперед; когда собака уйдет на такое расстояние, дальше которого не хотят расширять ее поиска, опять свистят: «фьюфью», делают поворот и, когда собака возвращается, снова побуждают ее пройти мимо ведущего.

Когда имеют дело с собакой упрямой и слишком горячей, одевают ей строгий парфорс, к которому привязывают кожаный ремень, длиною тридцать метров и посылают ее в поиск, позволяя уходить на такое расстояние, чтобы можно было легко схватить конец ремня, волочащегося по земле; всякий раз, как собака не повернет при свистке «фьюфью», сильно дергают за ремень, чтобы обратить ее внимание, а, если необходимо, то даже тащат ее гимнастическим шагом в противоположную сторону.

Если не делать никаких послаблений, собака, в конце концов, поймет, что:

1. Если она уйдет от своего хозяина дальше определенного расстояния, ее отзовут назад.
 2. По каждому свистку она должна пойти и обратном направлении и пройти мимо хозяина.
 3. Слово «иди» означает движение вперед.
 4. Жест рукой указывает направление, в котором она должна двигаться.
- Настойчивостью этого можно достигнуть.

Сначала свистят достаточно сильно, чтобы собака слышала приказание; затем, когда обучение поиску подходит уже к концу, свистят едва слышно: фьюфью и, наконец, насколько возможно, совершенно воздерживаются от свиста, ибо собака должна привыкнуть работать в тишине, а не под звуки свирели.

Если пользуются парфорсом и ремнем, то хорошо даже вначале, время от времени, заставлять собаку делать подряд несколько поворотов без свистка, а только дергая за ремень и делая поворот. Последний надо делать резко; большая часть молодых дрессировщиков не сознает этого, поэтому их собаки возвращаются, не проходя мимо их, и имеют склонность идти по ветру и слишком удаляться от них.

Мы могли бы назвать этот метод почти единственным, которым может воспользоваться дрессирующий, не прибегая к помощникам, – классическим. Вполне понятно, что, если собака быстро повинуется свистку, идет в поиск по приказанию жестом и хорошо ложится, ею легко будет управлять.

Особенно укладывание облегчает затруднения; всякий раз, как собака уйдет дальше, чем это желательно, или не исполнит того, что от нее требуют, во-время посланное «фьюфью» пригвоздит ее на месте, где ее и оставляют тридцать секунд собраться с мыслями, а затем снова требуют исполнения того, что желали; если она послушается – хорошо, если нет, то новое «фьюфью» заставит ее понять, что надо слушаться своего хозяина.

Когда заставляют собаку лечь, надо всегда подождать с дальнейшими приказаниями, по крайней мере, тридцать секунд, чтобы дать ей время одуматься, остыть, как некоторые, не без основания, говорят.

Я, дядюшка Клодомир, убежден, что, пользуясь одними описанными способами, Вы достигнете того, что удовлетворительно приготовите собак сначала для охоты, а затем и для больших испытаний, но я добавлю несколько небольших трюков, думая, что с ними Вы быстрее будете двигаться по пути дрессировки и вернее достигнете цели.

Для этого Вам надо двух помощников, но почему, в самом деле, Вам не взять на эту роль Вашего племянника Люи, прозванного «Пингвином». После случая с механической молотилкой у него только одна рука, но у него так много желания работать, что не следует упускать случая дать ему возможность заработать себе на хлеб и иным способом, а не только в качестве гусяного пастуха. Дайте ему главную принадлежность дрессировки – блузу с карманом из провощенного холста, дайте гренок, как и Ригоберу и в путь – на наш рабочий участок.

Было бы желательно, чтобы у Вас был большой прямоугольный сарай, шириною, по крайней мере, в шесть метров и, по возможности, такой же длины; если Вы преследуете цели профессиональной дрессировки, надо иметь возможность работать собак в дождливые и снежные дни так же, как и в солнечные.

Закрытый или нет участок должен быть таким, чтобы собакам нечем было на нем развлекаться.

Начнем работою на месте «цифрью восемь».

Возьмите решетку, в метр высотой и расположите ее двумя треугольниками по четыре метра в стороне, как я это Вам изображаю на рисунке, поместите Ригобера в точке P . Пингвина в точке Π , а сами оставайтесь в точке D (рис. 7).

Вы заставите Фрама двигаться по пути, обозначенному мною пунктиром.

Придя в точку Π , он получает лакомство и ласки; когда Вы свистните: фьюфью, Пингвин заставит его обойти треугольник, чтобы возвратиться к Вам; Вы посылаете его в точку P , где он находит, к вящему своему благополучию, Ригобера; Вы снова свистните: фьюфью и снова посылаете его в точку Π .

Привыкнув хорошенько, начинают работать таким образом несколько собак сразу; они тем охотнее будут идти из точки P в точку Π и обратно, что их будет подстрекать зависть.

Начиная с десятого урока, Пингвин и Ригобер будут давать подачку лишь через раз.

Мало-помалу, Вы почти перестаете употреблять свисток, и собаки переходят из точки P в точку Π и из точки Π в точку P , пока ни получают подачки, тем более для них желательной, что она будет вкуснее, чем всегда, а они будут голоднее обыкновенного.

Заметьте, что при этой системе, собаки делают повороты исключительно от Вас, что является очень важным, ибо таким образом, они не проходят два раза по одному и тому же месту.

Треугольники могут находиться сначала на расстоянии двадцати пяти метров один от другого, затем на пятьдесят метров и, наконец, на сто, если Вы желаете дать Фраму поиск несколько более широкий, что даст возможность извлечь всю выгоду из собаки большого чутья.

Через пять уроков всякая неуверенность исчезнет, и Вы, дядюшка Клодомир, сможете, если у Вас имеются две собаки одинаковых ног, предназначенных к совместной работе, заниматься с ними следующим образом.

Вы посылаете одну к Ригоберу в то время, как другую к Пингвину; собаки, получив подачку, снова отправляются одновременно, перекрещивая свои пути перед Вами, и продолжают так дальше.

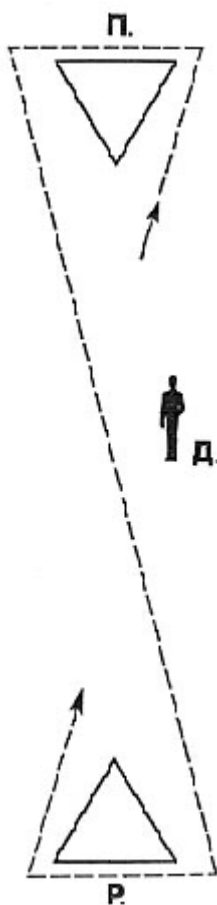

Рис. 7

Благодаря тому же славному рутинированию, полезному и неизменному ключу

дрессировки, собаки через тридцать уроков поймут, чего от них желают, и, когда их выведут в поле, они не подумают бегать одна за другою.

Эта дрессировка может закончиться работою на поле, для чего перестают пользоваться треугольниками и заменяют работу на месте работою на ходу.

Оба мальчугана идут – один справа, другой слева от Вас, Вы подвигаетесь вперед очень медленным шагом в определенном направлении, по возможности, против ветра и посылаете Фрама от Ригобера к Пингвину и от Пингвина к Ригоберу.

Смотря по цели, которую Вы себе наметили, Вы заставляете мальчиков идти ближе к себе, или дальше.

Теперь настал момент, когда надо рутинировать Фрама и давать ему уроки утром и вечером, по двадцать минут каждый.

Когда Вы обучите таким нелепым образом собаку, работавшую с Фрамом на «цифре восемь», можно будет брать их вместе и заставлять перекрещивать их поиск математически точно перед Вами.

Это будет высшим достижением.

Я Вам рассказывал о последних бельгийских испытаниях, где каждый дрессировщик вел сразу двух собак и говорил, сколь, по мнению компетентных судей, результат был невысок; каждая собака работала за свой собственный счет, некоторые места угодий обыскивались по нескольку раз, тогда как другие оставались совершенно необысканными.

Здесь были знаменитые дрессировщики, избравшие дрессировку своей профессией, собаки были высококлассные, – а работа никого не поразила.

В Англии подобные испытания устраиваются давно и доказано, что пары, являющиеся достойными внимания, бывают крайне редко.

Я не думаю, чтобы то, чего профессионалы, хорошо обставленные и работающие в самых лучших условиях, достигают не всегда, было у нас рядовым явлением; я далек от такого самомнения – причины глубоких разочарований, но я глубоко уверен в следующем: если Вы приложите, когда-нибудь, свои руки к паре собак приличных способностей, которых Вы работали как я только что Вам объяснил, – Вы сможете занять с ними хорошее место на всех испытаниях этого рода.

Когда собаки будут настолько хорошо ложиться, что будут падать распростертыми по свистку, можно будет, время от времени, испытывать их и именно в тот момент, когда они идут к Вам потому, что тогда Вы можете поднять их жестом: жест будет состоять в том, что Вы протянете руки вперед и быстро скрестите их; каждая собака достигнет довольно быстро того, что будет понимать, который жест предназначен для нее.

Это упражнение имеет место при широком поиске. Не надо бояться дойти, мало-помалу, до того, чтобы мальчуганы шли в шестидесяти метрах от Вас, но это будет максимум; не надо смешивать широкого поиска с поиском безграничным.

Поиск, ограниченный двумя людьми, не есть цель, это только метод; позднее, когда Вы поведете Фрама в поле один, Вы скоро заметите пользу всех этих упражнений.

Собаки, получившие такую комнатную дрессировку, потребуют второе меньше времени, чем другие, на разработку у них поиска челноком в открытом поле по классическому методу.

У Вас найдутся приятели, которые будут в этом сомневаться; что Вам до этого?

Нашлись некогда люди, казнившие того, кто первый сказал: «земля вертится»; не удивительно, что их потомки будут смеяться над нашими собаками и ухищрениями.

Другие методы не столь исключительно плодотворны, ибо даже на филдтрайлах, лучшие дрессировщики только очень редко выводят собак, поставленных настолько хорошо, что они не оставляют дичи позади себя.

«Комнатная дрессировка» собаки очень похожа на работу лошади в манеже; Вы также хорошо знаете, как и я, Клодомир, в сколь короткое время эта выездка в закрытом помещении делает лошадь приятной; Вы сели на выезжаемых лошадях, не умевших еще поворачивать ни направо, ни налево, и через два месяца, достигли того, что они выполняли галопом сжатый вольт. Вспомните также о работе на недоуздке; подумайте обо всем этом. Я так боюсь, чтобы Вы не дали себя сбить с доброго пути дрессировщикам, которые будут Вам говорить: «Я? Я никогда не делал этого и всегда достигал изумительных результатов».

С одной стороны, изумительные результаты (надо их еще посмотреть!), с другой – неудачные в дрессировке собаки! Не хочется говорить об этом! Сколько дрессировщиков добивались успеха только потому, что им посчастливилось получить в работу собак столь одаренных, что те выдрессировались сами.

Мы же предпочитаем методы, быстро и верно ведущие к успеху.

Подача

В виду того, что, во Франции, подача занимает столь заметное место в работе подружейной собаки, я теперь же выскажу Вам свое мнение по этому вопросу.

Единственная подача, о которой может быть речь в серьезной дрессировке, – это подача по приказанию и при мягкой хватке.

С тех пор, как Вы, дядюшка Клодомир, исполняете обязанности лесника. Вы должны были сталкиваться со множеством самых разнообразных видов работы подающих собак.

Одна бежит за птицей, мнет ее и оставляет на земле; другая подает куропатку, но отказывается подать зайца; та бросается за битой птицей и сгоняет других, к которым Вы только что собирались идти; эта подает только тогда, когда ей покажется, что другая собака хочет завладеть дичью; я уже не говорю о собаке, подающей только тогда, когда хозяин, поднося сначала сам битую птицу, бросает ее в нескольких шагах и раз пятьдесят кричит: «подай».

Все это не имеет ничего общего с красивой работой, исполнявшейся, как мы видели, большею частью собак, представленных на соревнование в Амьене; собака была без всякой сворки, ее удерживало на месте одно послушание: по приказанию она отправлялась за дичью, быстро и правильно брала кролика, или голубя, возвращалась тем же самым аллюром, садилась перед своим хозяином и охотно разжимала зубы, когда последний протягивал руку к птице.

Если это упражнение и не является настоящею подачею на охоте, все же оно представляет ее подобие – вернее, подготовку к ней.

Вы часто слышали, дядюшка Клодомир, как дрессировщики говорят: «я выучиваю собаку подаче в неделю».

Я не доставлю себе удовольствия повидаться с этими дрессировщиками, чтобы полюбоваться на их учеников, ибо я утверждаю, что для большинства собак надо несколько недель для достижения результатов, только удовлетворительных, и необходим целый сезон охоты, чтобы достичь результатов отличных.

Только рутинирование ставит окончательно характер собаки, ободряет боязливых, охлаждает излишне горячих. Только опытность научает собаку разнице в манере подачи на облаве, на охоте за кроликами с хорьком, на болоте и в поле.

Вы знаете, на сколько я являюсь сторонником превращения в подходящих случаях, животных в настоящие машины при исполнении движений, не требующих рассуждения, например: укладывании по приказанию, поиске челноком и т. д. Я разделяю подачу на две стадии: первая – отыскивание битой дичи и, вторая – поднимание ее с земли и возвращение с нею; желательно, чтобы исполнение второй части было машинальным, да и самое существо дела требует этого, ибо здесь сообразительность почти не нужна.

Я твердо уверен, что понадобится всего два десятка уроков для достижения хороших результатов. Позвольте мне привести сравнение: когда рабочий на кирпичном заводе вынимает из печи готовый кирпич, сделанный из глины и воды, он получает нечто настолько более прочное, чем то, что он туда клал, насколько высушивание и медленный обжиг делают тверже и прочнее составные части кирпича; точно также и поверхностная дрессировка быстро исчезает, если она не закреплена, почти неизменяемо, благодетельным рутинированием.

Я очень настаиваю на этой осмотрительности, дядюшка Клодомир, потому что дело идет не только о том, чтобы Вы научили Фрама подаче так, чтобы он правильно подавал при Вас, своем дрессировщике, но, чтобы Вы, что особенно важно, сдали мне собаку, которая будет превосходно подавать убитую мною дичь с первого раза, как я выйду с ней один в поле.

Впоследствии Ригобер должен будет добиваться того же со всеми собаками, которых он будет брать в дрессировку. Для клиента желательна собака, слушающаяся его самого, а не только повинующаяся дрессировщику, возвращающему ее мнимо дрессированной.

Мы рассмотрим сначала искусство подачи независимо от отыскивания битой дичи.

Когда я сдавал Вам, дядюшка Клодомир, Фрама, я сказал, что Вы можете начать его дрессировку с обучения подаче; это исходило из желания, чтобы он получил возможно больше уроков подачи за время, которое он проведет у Вас.

Будем ли мы специально изучать характер собаки, чтобы видеть, какой способ выгоднее для достижения желаемых результатов? По-моему, нет, ибо тогда наш метод не был бы методом профессиональной дрессировки, о которой у нас идет речь. Ясно, что, смотря по работе или страстности собаки, мы будем умерять или усиливать применение к ней принудительных мер, но все же будем пользоваться одними и теми же общими способами, освященными опытом, т. е. подачкой и парфорсом.

Первый урок подачи в комнате – это урок подачи поноски, сделанной из дерева в виде гири для гимнастики.

Обучение подаче слагается из нескольких частей; каждая требует нескольких уроков, смотря по понятливости и охоте, с которыми животное занимается.

Мы будем пользоваться тремя словами: Сядь, подай, дай.

На приказание: сядь и дай я смотрю, как на неизбежные – наоборот, я думаю, что в профессиональной дрессировке не всегда уместно пользоваться словом подай; я объясню Вам это в дальнейшем.

Сядьте, дядюшка Клодомир, на скамейку и заставьте Фрама, надев на него предварительно парфорс, сесть перед Вами.

Если собака не хочет садиться, дайте ей легкий удар хлыстом по заду, говоря: «сядь». Если она ляжет, быстро поднимите ее перед с тем же приказанием, пользуясь парфорсом. Это так просто, что я обидел бы Вас, если бы стал входить в большие подробности. Я даже не смотрю на это, как на настоящий урок подачи.

Первый урок состоит в том, чтобы заставить собаку держать поноску в пасти по слову «подай» и отдавать по приказанию «дай».

Для этого требуется немного терпения.

Положите поноску в пасть Фраму, произнося двадцать раз подряд «подай»; по всей вероятности, собака будет стараться выкинуть поноску, – придержите рукою, а если нужно, то и обеими, ее челюсти сжатыми. В случае слишком упорного сопротивления, дерните слегка за парфорс, чтобы напомнить, что Вы являетесь хозяином и, в конце концов, собака покорится.

Когда Фрам перестанет разжимать челюсти, отнимите руки; если Вы увидите, что он хочет открыть пасть, быстро поднесите руку к нижней челюсти, чтобы не дать поноске упасть; если Вы не успеете, вложите снова поноску в рот собаке.

Наступит момент, когда Фрам поймет, что он должен держать поноску и, если он ее бросит, то это уже будет проявлением злой воли. Как раз в момент, когда собака бросает поноску, дерните слегка за парфорс: этим Вы быстро достигнете того, что она будет остерегаться разжимать челюсти, боясь получить уколы.

Когда Фрам перестанет выбрасывать поноску, проведите его, с поноскою во рту, некоторое расстояние на сворке; если придется тридцать раз вложить поноску в рот собаки, терпеливо проделайте это. Первые шаги несколько скучны, но они очень важны; дело в том, что надо терпеливо и тактично дать собаке понять, что ее учат, а не наказывают. Пользуйтесь парфорсом только тогда, когда собака может понять, за что ее наказывают.

Легче научить собаку значению слова «дай». Одной рукой раскрывают пасть собаки, другой вынимают поноску, ласкают и награждают лакомыми кусочками, что делает собаку смелее.

Некоторые дрессировщики рекомендуют насильственные меры, чтобы заставить собаку отдать поноску: одни щиплют за ухо, другие стягивают парфорс, третьи даже наступают на хвост, одним словом вызывают боль, заставляющую собаку, взвизгнув, открыть пасть.

Мне никогда ни с одной собакой не приходилось прибегать к этой крайности, в которой я склонен видеть скорее исключительное средство, чем правильный способ.

У всякой собаки, естественно, явится мысль согласиться выпустить изо рта кусок дерева в обмен на предлагаемый ей кусок мяса или сахар.

Я, дядюшка Клодомир, считаю важным поддерживать с собаками добрые отношения во

все время их дрессировки и не люблю видеть, как животные с испуганным видом забиваются вглубь будки, когда бьет час их урока. Данная во время подачка поддерживает доброе согласие. Если нужно, заменяйте обычное кормление собаки награждением ее во время работы кусками мяса.

Пока Фрам будет ронять поноску, Вам нельзя заняться изучением второй части подачи; когда же он поймет, что надо нести данный ему предмет, можно перейти к следующему уроку.

Последний состоит в том, чтобы заставить собаку самой брать, по приказанию, у Вас из рук предмет, подносимый ей под нос.

Здесь будет иметь место маленькое насилие, ибо только боль может убедить Фрама: что он обязан открыть пасть и взять поноску по приказанию: «подай».

Вызовите, безразлично каким способом, боль, чтобы собака, взвизгивая, разжала зубы, и воспользуйтесь этим моментом, чтобы вложить ей поноску.

Парфорс, дядюшка Клодомир, довольно удобен для этой цели, надо только его стягивать постепенно, пока собака не завизжит.

Я знал некоторых собак, позволявших чуть ли не задушить себя, не издавая ни звука; с ними я достигал успеха, надавливая ногтем на кончик уха или заставлял своего помощника наступать им на хвост.

Это все – маленькие подсобные средства, парфорс же является надежным инструментом.

Раз двадцать, а может быть и сто раз подряд, вы будете заставлять Фрама открывать пасть по слову: «подай» и отдавать Вам поноску по приказанию: «дай»:

Не было примера, чтобы собака без конца отказывалась повиноваться, если дрессировка велась умело и постепенно.

Приказание: «подай» сопровождается сначала стягиванием парфорса более энергичным, затем более умеренным, наконец, по мере успехов, все более и более легким дерганьем – до тех пор, пока одного страха быть задушенной будет достаточно, чтобы собака решилась разжать челюсти.

Терпят неудачу лишь те, кто желает двигаться слишком быстро.

Я Вам сказал, что урок этот имеет целью заставить собаку взять поноску; в следующем уроке мы заставим ее вытянуть шею, чтобы самой схватить поноску, которую держат в нескольких сантиметрах от ее носа.

Этот урок, вообще говоря, довольно труден, если недостаточно практиковались в предыдущем, но он дается легко, если имеют терпение добиться машинального повиновения в предыдущем упражнении прежде, чем перейти к следующему.

Поднесите горизонтально левой рукой Фраму, сидящему в профиль перед Вами, поноску на высоте его носа, и держа ее в нескольких сантиметрах от него, произнесите несколько раз слово: «подай», поддвигая слегка правой рукой за парфорс и толкая этим его голову к поноске: когда последняя коснется его носа, Фрам, повинуясь приказанию и парфорсу, разожмет челюсти.

Продолжайте подталкивать голову собаки налево, чтобы ее передние зубы перешли через поноску и она взяла последнюю глубже в рот; в этот момент Вы отпускаете поноску и ласкаете собаку.

Через три секунды возьмите поноску со словами «дай» и не поскупитесь на награду собаке.

Эта часть обучения подаче включает в себе несколько уроков; надо добиться, чтобы с каждым уроком собака проявила все больше старания схватить поноску, подносимую всегда одинаково.

Когда всякое колебание исчезнет, настанет момент поднести ее несколько ниже.

Идя вперед очень медленно и выжидая, чтобы Фрам охотно брал поноску на известной высоте над землею, прежде чем положить ее на землю, Вы не встретите затруднений в этот довольно щепетильный момент дрессировки.

Подумайте, дядюшка Клодомир, насколько легче всходить по лестнице, если не пропускать ступеней.

Почти все дрессировщики хотят подвигаться слишком быстро; в один прекрасный день возникает конфликт, причину которого собака не понимает, и приходится возвращаться назад.

Не доверяйте собакам, которым учение дается слишком быстро, и вспомните о сыне Вашего патрона, провалившемся в этом году па экзамене единственно потому, что в гимназии его заставили перескочить через класс, в виду его очень развитых способностей.

Иногда я замечал, что наиболее тяжелые при обучении подаче были те собаки, у которых была самая нежная хватка и которые, позднее, оказывались самыми превосходными работниками, когда их посылали в чашу за подстреленную лисицею или в быстрину за раненой уткой. Итак, терпение и только терпение!

Я и намека не делал о пользовании при этих уроках, как и при предыдущих, хлыстом, однако как то раз Вы видели меня, сильно бившим одного пойнтера. Быть может, дядюшка Клодомир, Вы думаете про себя: «Вот профессор, говорящий одно, а делающий другое; и он сделан по одной мерке с другими ораторами».

Терпение, мой дорогой: в один прекрасный день мы дойдем до главы о наказаниях и Вы увидите, что стэки, хлысты и плетки, находящиеся среди моих доспехов, имеют не только декоративное значение.

Наказание существует для карания выученных животных; «но не может научить, что надо делать, а лишь показывает, чего нельзя делать. Это большая разница.

В настоящее время мы еще учим собаку и в парфорсе имеем инструмент необходимый и вполне достаточный.

Впоследствии мы будем удерживать, при помощи плетки в границах долга тех, кто пожелает перейти их, и они будут переходить их, дядюшка Клодомир, тем реже, чем больше настойчивости мы приложим, чтобы дать им истинное воспитание имеющее, как основу, три слова: принуждение, постепенность и подачка.

Во всех этих уроках хорошо соблюдать правило – всегда начинать с упражнений, которые собака хорошо исполняет; эта позволяет ввести ее в работу ласками и подачками, одним словом, войти к ней в доверие.

Заставив Фрама сесть, положите ему, дядюшка Клодомир, в рот поноску, если он берет ее сам неохотно, проведите ого на сворке, заставьте сесть и выньте поноску.

Заставлять исполнять постоянно, в начале урока, это упражнение не отнимет много времени.

После этого, держа поноску все ниже и ниже, требуйте, чтобы собака сама взяла ее из Ваших рук.

Я Вам повторяю, что в этом нет никакой трудности, если действовать очень постепенно.

Если собака охотно берет поноску в тридцати сантиметрах от земли, она возьмет скоро в двадцати пяти, на другой день – в пятнадцати, через день – в пяти.

Когда Вы положите поноску на землю, говоря: «подай», придерживайте ее двумя пальцами, затем одним.

Только тогда не надо будет совсем дотрагиваться рукою до поноски, когда исчезнет всякое колебание.

Сначала занимаются с собакой, стоя на одном месте, затем находят.

Вы, дядюшка Клодомир, ведете идущего рядом с вами Фрама на сворке, которую держите в правой руке, а левою подносите ему под нос поноску и заставляете ее взять и нести; наконец, приказываете: «сядь, дай» и начинаете сначала.

Все это приведет, наконец, к тому, что можно будет бросить поноску на несколько метров от Фрама, подвести к ней собаку, заставить ее поднять и, затем, отвести ее обратно и взять от нее поноску, но обязательно с соблюдением всех правил, т. е. заставив ее предварительно сесть, как раз перед Вами.

Бывают собаки, исполняющие все прекрасно, но, по робости, отказывающиеся идти одни, без провожатого, за брошенную перед ними поноскою.

С таким можно наверное добиться успеха, если согласиться работе с ними подвигаться очень медленно, т. е. положить перед ними поноску сначала в пяти сантиметрах, затем в десяти и т. д.; можно втянуть их в работу ласками и, особенно, подачками, награждая их за хорошее исполнение.

В профессиональной дрессировке много времени выгадывают, дядюшка Клодомир, беря помощника.

Собака сидит, дрессировщик бросает поноску, затем, через минуту, приказывает: «подай»; помощник, держа собаку на сворке, быстро бросается вперед, подводит собаку к поноске, заставляет ее поднять и отстегивает сворку; оставшийся на месте дрессировщик зовет собаку, та подходит, садится перед ним, отдает поноску и получает подачку.

Помощнику нечего бояться тащить собаку до известной степени грубо.

Через несколько уроков, собака, даже не будучи привязана, бросается одновременно с помощником.

Если все идет так хорошо, помощника освобождают.

Ригобер окажет Вам в этом деле большие услуги; ему будет достаточно продеть в кольцо парфорса веревку и отпустить один конец ее, когда Фрам схватит поноску. Можно также воспользоваться карабином.

Если Фрам правильно подает поноску на дворе, из этого вовсе не следует, что он подаст ее на дороге, или в поле.

Чтобы избежать всякого затруднения, возьмите с собой, дядюшка Клодомир, Вашего сына и, для обучения подаче на свободе, начните с того, что заставьте работать Фрама на сворке у Ригобера. Бросайте поноску все дальше и дальше и все менее и менее открыто. Тут постепенность должна соблюдаться еще строже, чтобы не представился случай отказа в повиновении.

Я считаю, что радостное и легкое исполнение приказания служит признаком хорошей дрессировки.

Итак, пока Фрам будет идти за поноской неохотно, пока он будет возвращаться боязливо, поджав хвост, надо будет продолжать это упражнение.

Если Вы учили собаку ложиться одновременно с уроками подачи, то, вместо того, чтобы заставлять Фрама садиться перед тем, как отдать поноску, Вы можете заставлять его ложиться.

Большая часть дрессировщиков скупа на время и спешит отдавать приказание одно за другим; это плохая привычка, ибо торопливость нарушает спокойствие, необходимое для поддержания дисциплины.

Не колеблясь, отсчитывайте, дядюшка Клодомир, десять секунд, затем двадцать, наконец, сто между отдачей приказаний: лечь и подай. Мне нравится класть руку на голову собаке, приказывая ей: подай: это, с одной стороны, делает ее доверчивее с другой – служит для нее сигналом.

Я знал одного старого практика, натирившего поноску луком, чтобы сделать ее пахучею, что позволяло собаке легче находить ее в высокой траве, где обоняние должно было помогать зрению при поисках. Этот способ недурен.

Когда Фрам будет охотно и свободно подавать легкую поноску, к которой он привык, наступит момент заставлять его работать с поносками более и более тяжелыми.

Профессионалу следовало бы иметь целую коллекцию поносок, отличающихся одна от другой по весу на пятьсот грамм и доходящих до пяти килограмм.

Для этого пользуются поносками из дерева с приделанными изнутри свинцовыми кружками. Стоит ли еще раз напоминать Вам, дядюшка Клодомир, о постепенности. Нет? Не так ли? Я достаточно говорил и повторял, что не должно быть никаких резких переходов, чтобы у Вас не явилось желания заставить собаку подавать поноску номер пятый прежде, чем она охотно будет брать поноску номер четвертый.

По моему мнению, прежде, чем заставлять подавать, надо сначала заставить пронести поноску и необходимо соразмерять все поноски с силами собак и их характером; одним словом, избегать того, что может вызвать отвращение у учеников.

Все собаки должны быть в состоянии подавать зайца в три килограмма; я знал маленьких коккеров, весивших едва тринадцать килограммов, весело вытаскивавших из чащи крупного зайца, который был бы там потерян без них.

Но в их дрессировке не было резких переходов. Быть может, потребуется потратить месяц прежде, чем заставишь их охотно носить поноску в три килограмма; что за важность? ведь результат достигается на всю жизнь.

Поноска в два килограмма, обтянутая шкуркой кролика, является великолепным переходом от поноски, просто деревянной, к дичи.

Шерсть оставляет не очень приятное ощущение во рту собаки, поэтому надо несколько раз заставлять носить волосатую поноску в течение одного или двух уроков прежде, чем собака охотно пойдет за нею сама.

Наконец, чтобы приучить собаку хорошо уравнивать всякую тяжесть, я часто пользуюсь доской из мягкого дерева, в три сантиметра толщиной, шесть сантиметров шириной и пятьдесят сантиметров длиной, снабженной на каждом конце свинцовой пластинкой в один килограмм; целиком обтянутой какой-нибудь шкуркой, прибитой несколькими обойными гвоздями. Ее гораздо труднее схватить, чем обычную поноску. Требуя, чтобы собака схватывала ее как раз за середину, ей показывают, как она должна приводить свою ношу в равновесие. Всякий раз, как собака схватит доску за конец, надо ее наказывать, дергая слегка за парфорс, и положить ей поноску правильно.

Что интересно во всем этом методе, дядюшка Клодомир, так это постепенность, с которою следует одна за другой сложность уроков.

Можно остановиться на каком-нибудь уроке и прервать работу на неделю, даже на месяц; от этого ничто не пострадает: после перерыва снова видишь собак, превосходно исполняющими предшествовавшие уроки и готовыми перейти к следующему.

Примите к сведению два замечания: первое – относительно ободрения слишком боязливым собакам: уроки им надо расчленять, прерывая их прогулками, играми, ласками, даже оставлением дома; второе, относительно температуры и состояния угодий: когда то и другое благоприятствует работе по дичи, дрессировщик должен прерывать всякую дрессировку в комнате.

Иногда частые дожди, а также жатва, или снег, делают поля недоступными для работы на них, пусть же это время будет использовано для усовершенствования подачи.

Для этого урока, как для урока правильного поиска, дрессировщику важно располагать закрытыми, довольно обширными помещениями. Тогда не будет совсем дней прогула.

Если Вы спросите меня, дядюшка Клодомир, сколько времени понадобится, чтобы Фрам достиг до превосходной подачи дощечки, обтянутой шкуркой, я могу Вам назначить самый большой срок: тридцать уроков от получаса до трех четвертей часа каждый, т. е. около двадцати часов работы.

Почти столько же часов нужно потратить для прикладных уроков, назначенных для укрепления охотной подачи всякой, дичи на охоте.

Эти уроки высшей школы, давать которые легче, чем начальные уроки, имеют безусловно важное значение, ибо без них большинство собак откажется подавать дичь, упавшую от выстрела.

Собаку сдают клиенту не с тем, чтобы она подавала платок перед дверью, а чтобы шла за дичью в часто трудных условиях. Пока собака не будет нами поставлена в аналогичные условия, пока она не будет правильно выходить из этих затруднений с честью для себя, мы не можем утверждать, что ее дрессировка закончена.

Даже во время начальных уроков увеличивайте, мало-помалу, трудности.

Например: бросьте Фраму самую тяжелую поноску и в то время, как он возвращается с нею, бросьте самую легкую, говоря: подай. Почти все собаки, счастливые возможностью обменять большую тяжесть на меньшую, бросят тяжелую поноску; Не допускайте этого, дядюшка Клодомир, требуйте, чтобы Фрам шел за маленькой поноской, только подав другую Вам в руки, несмотря на соблазн.

Заставляйте Фрама подавать при народе, среди других собак, рядом с его кормом; стреляйте из ружья прежде, чем посылать ого за поноской, – все это очень хорошо. Многие дрессировщики не умеют заставить ценить их работу и слывут за неспособных потому, что не имеют твердости закончить свое дело.

Вспомните, дядюшка Клодомир, собак, доставивших в Амьне мало славы выведившим их; они были смущены публичными испытаниями, а каждой из них, быть может, и не хватало-то каких-нибудь двух часов работы в необычных для них условиях.

Подача дичи

Уроки высшей школы состоят, главным образом, из подачи дичи. На практике мы будем требовать подачу кролика мертвого и живого, подачу живого голубя, живой утки, подачу стреляной дичи, а затем перейдем к подаче из воды и отыскиванию дичи по следу.

Если мы работаем в то время, когда охота разрешена, мы воспользуемся дичью, хорошо знакомой Фраму, но я, дядюшка Клодомир, берусь утверждать, что он не задумается подать какую бы то ни было дичь, если он хорошо подает перечисленных животных.

Убейте кролика весом два килограмма; дайте ему остыть, чтобы он затвердел, и вложите его спинкою в рот Фраму так, чтобы во рту собаки лежала та часть спинки, где прикрепляется последнее ребро; при таком способе будет соблюдено равновесие.

Дайте урок, как с поноскою, заставив сперва несколько времени носить кролика, прежде чем приказать поднять. Когда Фрам сам возьмет кролика с земли, заставьте, чтобы он взял его глубоко в пасть и именно тем местом, которым вы ему показывали; это очень важно.

Постепенно кладите кролика дальше и дальше, наконец, спрячьте его. После того, как собака подает уже затвердевшего кролика, она не откажется подать его, еще мягкого.

Когда это упражнение будет исполнено без всякого колебания, Вы уложите Фрама, выстрелите из ружья и через несколько секунд, глядя собаку, прикажите: «подай».

Вы видите, дядюшка Клодомир, что теперь я стараюсь придать этой работе возможно большее сходство с работою на охоте.

Откладывая обучение подаче двух птиц, битых дуплетом, нет надобности; можно приступить к нему теперь же.

Многие собаки, подающие вообще правильно, бывают смущены, когда окажутся перед двумя, одновременно падающими, птицами: одни стараются схватить сразу обеих; другие, схватив одну, бросают ее, чтобы взять другую, чтобы и ту, в свою очередь, сейчас же бросить; некоторые, чтобы облегчить задачу, позволяют себе недопустимое и противное их привычкам прикусывание зубами; одним словом, тут нет ничего похожего на правильную работу. Собака хорошего стиля должна, не задумываясь, поднять птицу, принести ее своему хозяину и снова галопом отправиться за другой.

Фрам уложен; возьмите двух кроликов и положите их открыто, обоих рядом, в двадцати метрах от собаки и, положив руку на голову последней, отдайте приказание: «подай».

Смотрите, что произойдет.

Или Фрам подаст правильно – тогда лучшего ничего и не надо, или он будет стараться схватить обоих кроликов сразу – это уже будет плохо, или, что всего вероятнее, он будет, в смущении, ходить от одного к другому, как осел Буридана).

Если Фрам с первого раза поступит правильно, надо будет убедиться, что это не было просто случайностью, для чего необходимо несколько раз проделать это упражнение сначала.

Если же работа окажется неправильной, надо сейчас же, прибегнуть к помощи Ригобера, который, взяв Фрама на сворку, пройдет с ним и заставит его подать сначала одного кролика, не позволяя собаке подходить к другому и нюхать его, а затем сведет его и за этим.

Впрочем, дядюшка Клодомир, это общее правило, возвращаться снова к содействию помощника, если собака учинит какой-нибудь проступок или даже только обнаружит колебание в исполнении приказа.

Живой кролик, передние лапы которого связаны с задними, сменит, в качестве поноски, мертвого.

Тут еще раз, и особенно тут, необходимо заставить собаку несколько времени носить кролика, прежде чем послать ее за ним.

Дрыгающий ногами кролик легко может смутить робкую собаку.

Я не могу в достаточной мере рекомендовать запастись терпением в этом случае, где безусловно лучшие результаты даст метод поощрения, а не принуждения.

Если, к несчастью, дело дойдет до конфликта, у собаки может появиться чувство отвращения к подаче, что заставит пройти все уроки сначала.

Я знал молодую суку сеттера, очень высоких кровей, убежавшую при первом убитом зайце домой: у нее в памяти сохранился урок, когда слишком торопливый хозяин, забыв о необходимой тактичности, применил насилие при обучении подаче четвероногой дичи.

Можно сказать, что, пока собака не будет брать охотно из рук своего хозяина поноску, в

чем бы она ни заключалась, еще не пробил час посылать ее за ней.

Я уже говорил Вам сто раз, но скажу и в сто первый, что это является основой системы.

Когда Вы достигнете этого, будет лишь игрушкой заставить подавать голубей со связанными нитяной тесьмой крыльями и приманочных птиц с подрезанными крыльями, которым Вы свяжете бечевкой лапы.

Собака должна брать уток и голубей правильно, т. е. за грудь.

Заставляя собаку производить эти упражнения, Вы можете усложнять условия, пряча птиц, кладя их по несколько рядом, как я вам объяснял это выше о кроликах.

Если перед собакой одновременно окажутся и голубь и утка, у нее будет желание подать первым голубя, как более легкого: требуйте, чтобы она всегда подавала первым то, что раньше заметит, это правило должно быть безусловно соблюдаемо.

Вот мы уже у конечной цели: подача стреляной дичи единственно, повторяю я, что может интересовать Вашего клиента.

При профессиональной дрессировке нельзя все время стрелять дичь, иначе, благодаря дрессировщикам, была бы уничтожена вся охота.

Надо в огороженном месте устроить маленькое голубиное стрельбище: двух ящиков будет достаточно.

В Вашем огороженном дворике Вам, дядюшка Клодомир, будет очень удобно это устроить.

Вам уже приходилось видеть голубиное стрельбище, и я не буду больше говорить об его устройстве.

Вы сажаете в ящик голубя со связанными крыльями, становитесь на черте и укладываете собаку около себя; когда Ригобер, при помощи веревки, заставит ящик открыться, Вы стреляете холостым патроном и, через секунду, жестом и голосом посылаете Фрама за голубем. Если он проявит колебание, Ригобер со своей своркой окажется тут же.

Если все идет правильно Вы можете вложить в стволы патроны с дробью и убить голубя.

Собака, хорошо подающая битого голубя из ящика, не откажется подать и молодую куропатку.

Тот же ящик послужит Вам и для кролика, взятого из рассадника, сначала связанного и стрелянного холостым зарядом а затем свободного и убитого из ружья.

Больше ничего не надо, как только продолжать это упражнение, пока собака будет его охотно исполнять не только со своим дрессировщиком, но и с другим стрелком: ведь Фрам предназначен служить мне, а не Вам.

Если бы мне приходилось постоянно охотиться одному, я вполне бы удовольствовался собакой, стоящей на той ступени дрессировки, до которой достиг Фрам, но у меня привычка брать своих помощников почти повсюду с собою и, особенно, на облаву.

Хорошим ретривером на облаве может быть всякая собака, подающая только по приказанию и не позволяющая себе ничем развлекаться. Сколько раз Вы видели, дядюшка Клодомир, управляя устраиваемыми Вами облавами, как подружейные собаки добежали до цепи загонщиков, преследуя не стрелянную дичь.

Я говорю не только об обломах, неспособных ни на какую работу, но и об очень хороших собаках, которых случай увлек на путь греха.

Кролик убит, Том бросается за ним и уже несет его, но перед ним падает подбитый петух. Том бросает кролика и отправляется за быстро убегающим фазаном: Том сталкивается, нос к носу, с выгнанным загонщиком зайцем – соблазн слишком велик. Я не буду продолжать.

Всего этого не случилось бы, если бы Том привык спокойно смотреть на падающую вокруг его хозяина дичь, а особенно, если бы он был рутинирован в привычке, на практике совершенно необходимой, правильно подавать первую упавшую птицу, не обращал внимания на окружающее.

Это, дядюшка Клодомир, высшая школа.

Если бы Том подал первого кролика своему хозяину, его можно было бы уложить или привязать, смотря по степени его дрессированности, и остального не произошло бы.

Чтобы направить Фрама на путь истины, заставьте его лечь у Ваших ног, пошлите Ригобера посадить в ящики нескольких голубей, как свободных, так и связанных, стреляйте

холостыми зарядами; свободные голуби, представляя собою промазанную дичь, возвратятся на голубятню, связанные же, заменяя сбитую птицу, останутся на лугу.

Когда Вы сделаете несколько выстрелов, пошлите Фрама, как Вы его послали бы по окончании загона, подать одного за другим связанных голубей.

Чтобы выдрессировать еще лучше собаку, я предложу Вам, когда она будет хорошо выполнять описанное упражнение, взять с собою другую собаку, уложить ее рядом с Фрамом и приказывать ей, время от времени, подавать, наблюдая, чтобы Фрам не двигался с места.

Чтобы легче достичь таких результатов, я советую Вам воспользоваться уловкою, при помощи которой я достиг прекрасных успехов с Марф и Квин; с начала дрессировки я приучил одну собаку ложиться по приказанию: «подай» и идти за дичью по приказанию: «ниц», тогда как другая, наоборот, падала распростертой по приказанию «ниц» и бросалась подавать по приказанию «подай».

Помните, дядюшка Клодомир, я недавно обращал Ваше внимание на выбор слова: «подай»; я имел в виду именно пользование одновременно двумя собаками.

Так как собаки работают тем более ревностно, что за хорошею работою следует подачка, очень выгодно рутинировать одновременно двух собак в поочередной подаче.

Перейдем к последнему упражнению, имеющему целью победить волнение собаки во время стрельбы.

Может быть, Вам будут говорить что, так как собака обязана ложиться при звуке выстрела, то она должна лечь и с птицею во рту, если выстрел произведен— Отнеситесь с уважением к мнению этих профессоров, но не придерживайтесь его. Раз Вы произнесли слово; «подай», требуйте, чтобы собака шла за птицей и возможно скорее возвращалась к Вам с нею, не обращая внимания на все другие обстоятельства, не исключая и звуков выстрела.

Фрам лежит у Ваших ног, стреляйте по связанному голубю и посылайте за ним собаку, продолжая стрелять. Фрам, по всей вероятности, наделает разных ошибок, которые все исправятся следующим образом: Ригобер, взяв его на короткую сворку, Доведет его до голубя, заставит взять последнего и, отведя обратно, усадит Фрама перед Вами.

Повторение этих упражнений никогда не может быть лишним.

Когда у собаки, при их исполнении, не будет больше колебаний, выстрелите по связанному кролику и, в то время, когда собака будет Вам его подавать, сделайте выстрел по связанному голубю, подброшенному Ригобером в воздух так, чтобы он упал в нескольких метрах от собаки.

У Фрама будет большой соблазн бросить кролика, чтобы взять голубя, как более легкого; если он поддастся ему, надо его слегка наказать и снова прибегнуть к сворке.

Все эти выстрелы следует производить из ружья малого калибра и холостыми зарядами.

Я полагаю, что Фрам, рутинированный во всех этих упражнениях, может быть выведен на любые испытания подачи с земли и удовлетворит самым строгим требованиям клиентов.

В целях практической охоты, Вы можете его совершенствовать в разыскивании дичи по следу.

Я всегда держался того мнения, что запахи птицы раненой и не раненой различны; я Вам напоминаю — это мое мнение, чтобы Вы поняли, почему я всегда делаю искусственный след раненой дичью, а не просто живую; ведь настоящая подружейная собака не должна искать птицу следом, а брать верхним чутьем.

В Германии, на испытаниях подачи зайца, действуют следующим образом: младший егерь берет жердь, в четыре метра длиною, привязывает к ее концу окровавленного зайца и тащит его триста метров по разным местам, затем отвязывает и уходит; все это он проделывает в новых деревянных башмаках, чтобы собака не могла пользоваться следом человека для нахождения дичи.

Собака, пущенная хозяином, должна идти за зайцем.

Я также нахожу этот способ хорошим и предлагаю Вам, дядюшка Клодомир, им воспользоваться, но соблюдая очень большую постепенность в смысле увеличения расстояния подачи.

Некоторые собаки быстро научаются этой работе, тогда как другие, вообще говоря, лучшие, обладающие верхним и дальним чутьем, кажутся довольно непослушными. Последние

никогда не будут так же хороши для отыскивания дичи по следу, как первые, но и они много улучшатся, часто работая по искусственному следу.

Мы дошли до подачи из глубокой воды.

Здесь не встретится никаких затруднений, если собаки охотно идут в воду, и можно сказать, что гораздо скорее можно добиться подачи из воды, раз собака уже подает с земли, чем достичь последнего.

Некоторые собаки, как, например, барбетты (пуделя), бросаются в воду и зимой без всякого к тому принуждения, тогда как большая часть пойнтеров задумывается даже летом кидаться в воду.

Мы пришли сюда не для того, чтобы доставить больше удовольствия собачкам; посмотрим же, как Вы должны действовать.

Так как в конце Вашего участка проходит канал, то Вы имеете все возможности, чтобы с удобством работать.

Ригобер находится на одном берегу, Вы на другом; возьмите веревку, длина которой будет вдвое больше ширины канала, привяжите к ней посередине парфорс и у Вас будет все, что надо, чтобы добиться успеха.

Оденьте парфорс на шею Фрама и уложите его у обреза воды. Конец веревки держит Ригобер.

При команде: «вплывь» Ригобер медленно потащит веревку; заставляя, таким образом, собаку войти в воду, и затем подтянет ее к себе; несколько ласк и лакомство успокоит собаку, обескураженную, конечно, грубостью приема. Через несколько времени позовите Фрама, свистя по обыкновению: фьюфью-фьюфью-фьюфью, в то же время перетягивая к себе веревку, чтобы принудить собаку снова переплыть канал.

Поласкав несколько Фрама, начинайте упражнение сначала.

Чем дольше вы будете пользоваться веревкой, тем лучше собака поймет приказание: «вплывь», что я считаю очень важным.

Когда охотятся на водоплавающую дичь, часто случается, что птица падает на другом берегу и, так как собака её не видит, она не идет за нею, несмотря на повторяемое приказание «подай».

Если приказание: «вплывь» известно собаке, то она начнет с переправы на другую сторону и поиски ее будут более успешны.

Когда Фрам будет охотно идти в воду, наступит момент бросать в воду небольшой мешочек, наполненный пробками, сначала в нескольких метрах от берега.

Позднее надо будет бросать мешочек на другую сторону канала, приказывая: «вплывь, подай».

Если дела идут не так, как бы нам хотелось, у нас всегда есть наш помощник с веревкой и парфорсом, чтобы добиться повиновения.

Чтобы довести подачу до совершенства. Вы заставите подавать уток, предварительно связав им лапки.

Сначала Вы будете бросать уток в воду, затем, заставите Ригобера снести их на противоположный берег.

Полезно сделать несколько выстрелов, чтобы симулировать охоту.

Для окончательного усовершенствования я могу Вам посоветовать только подачу кролика на облаве, или на охоте с хорьком.

Я долго останавливался на вопросе о подаче, дядюшка Клодомир, потому что во Франции охотники очень настаивают на правильности этой работы.

Быть может Вам будут рекомендовать другие способы; поздравьте профессоров, достигавших с ними успехов, а сами удовольствуйтесь медленным, но верным способом, который я только что изложил Вам, ибо с ним Вы никогда не узнаете неудач.

Стойка

Мы дошли до выхода с собакою в поле. Смотря по обстоятельствам, эту работу можно начать раньше или позднее, но я, дядюшка Клодомир, думаю, что скорее вредно, чем полезно,

показывать дичь собаке, совершенно не дисциплинированной, и я не являюсь сторонником метода, превозносимого любителями грифонов Кортальса, которые, под предлогом того, что они хотят придать силу и быстроту своим собакам, позволяют им в поле разные проказы.

Цель, которую мы себе ставим, – это сделать собаку уравновешенную при встрече с дичью.

Слово это требует пояснения: горячая собака это та, у которой слишком много пыла при поисках дичи и которая готова гнаться за ней, чтобы завладеть ею; бесстрастная собака мягка по характеру и относится с безразличием к запаху и преследованию дичи; уравновешенной собакой я назову ту, что держится золотой середины между двумя первыми, или скорее ту, которая горяча на поиске и спокойна на стойке.

Все, о чем мы говорили до сих пор, направлено к достижению этой уравновешенности; укладывание охлаждает слишком горячих; разработка поиска с помощью ласк и подачек возбуждает животных бесстрастных, а особенно, ободряет боязливых; мы уже прошли всю дрессировку и ни разу – заметим это между прочим – не били наших учеников.

Эта, желательная по отношению к дичи, уравновешенность является результатом привычки встречаться с нею; видя часто летящую птицу и бегущего зверя, впечатлительная собака излечивается, мало-помалу, от волнения, причиняемого встречей с ними, а некоторые бесстрастные собаки кончают тем, что у них появляется страсть.

Первое, чего надо добиться – это, чтобы собака ложилась при виде дичи, стойка будет вынужденным следствием этого; не надо ждать, пока собака, говоря Вашими, дядюшка Клодомир, словами, проявит себя.

Возьмите из рассадника кролика, наденьте ему ошейник, привяжите к последнему легкую веревку в четыре или пять метров, конец которой будет привязан к Вашей трости. Отправляйтесь на городскую залежь и пустите на землю кролика со всем приспособлением. Маленький дурачек будет неспособен убежать далеко с волочащейся за ним тяжестью и притаится за клочком травы.

Ригобер, держа Фрама на сворке, будет медленно подходить против ветра к кролику и остановится, не доходя до него около полметра. Подождите минутку и, подымая Вашу трость, быстро дерните кролика. Ригобер тихо свистнет и заставит Фрама лечь.

Можно сколько хотите раз начинать сначала эту игру, которая, конечно, не очень-то будет нравиться кролику, но нельзя же у всех справляться о их вкусах.

Единственно, о чем надо позаботиться, это чтобы не давать собаке подвигаться, уткнувши нос в землю, и не вести ее к кролику по следу последнего.

Долго ли, коротко ли, но обязательно наступит момент, когда Фрам сам ляжет при виде кролика, а затем, в своем собачьем уме, решит: «Раз я должен лечь, когда вижу кролика, следовательно я так же должен поступить и тогда, когда могу его сейчас увидеть, т. е. когда чувствую его присутствие по запаху».

Таким образом, он дойдет до того, что будет делать лежачую стойку, чуя дичь.

Вы, дядюшка Клодомир, легко поймете, что это упражнение, повторяемое утром и вечером, приведет, мало-помалу, к рутинированию Вашего ученика в искусственной стойке, которая скоро станет естественной, если в его жилах течет нечто другое, чем кровь какого-нибудь ублюдка.

Важно, по возможности, менять место работы, ибо у некоторых собак так быстро все входит в привычку, что они готовы распростираться на том месте, где их уже заставляли два или три раза лечь, будет ли там кролик, или нет.

Ригоберу легко вести двух собак одновременно, дело от этого не пострадает, даже, наоборот, выиграет.

Вместо кролика, берите, время от времени, фазана, куропатку или зайца, если Вы его можете достать.

Фазан, привязанный за лапу, будет убежать, взлетая, что придаст новый интерес работе.

Прекрасное упражнение состоит в том, чтобы побеждать у собаки инстинкт подражания, когда дело идет о проступке.

Выпустите на Ваш большой прогулочный двор кролика и заставьте привести Фрама; когда последний сделает лежачую стойку, приведите Вашу таксу Германа. Этот не заставит

долго ждать и, бросившись за кроликом, устроить целый маленький праздник с музыкой в погоне за несчастным.

Быть может кончится тем, что он схватит его и, что называется, изотрет в порошок.

О! Сколько соблазна для Фрама. Какой прекрасный случай для Ригобера удержать его лежащим, чтобы охладить его желание помочь Герману! Не забудем, Клодомир, что у всякой собаки в сердце трут, который все время тлеет.

Повторяя эти маленькие уроки, Вы скоро убедите Фрама, что он не предназначен для стаи, а позднее и сами убедитесь в благодетельном значении этого упражнения, особенно, когда на филдтрайлсах конкурент Фрама сделает несколько неуместных скачков вслед за слитком соблазнительным зайцем.

Так как мы занимаемся вопросом о стойке, то здесь же заявим о том презрении, которым мы награждаем собак, делающих ложные стойки. Сколько я знал таких собак! Их постоянно видишь на стойке, но никогда не видишь, чтобы из под этих стоек что-нибудь летело или бежало.

В Бельгии таких собак называют мотивом для бронзовых часов; в Германии – собаками, доставляющими удовольствие глазам; во Франции – собаками, причиняющими болезнь сердца. В самом деле: оставаться весь день в напряженном состоянии, с ружьем, готовым ко вскидке, рядом с собакой, стоящей на стойке, – это может вызвать сердечные припадки у людей нервных.

Вы помните, дядюшка Клодомир, пойнтера Блюетт. Девять раз из десяти она стояла по-пустому, а так как она обладала широким поиском, то приходилось делать большие подходы, чтобы воспользоваться ее услугами, и владелец ее часто пренебрегал ее стойками и отзывал ее, хотя стойка была верною как оказывалось, когда проходили там, где видели ее лежащей.

Существуют две причины ложных стоек: слишком развитая нервозность и недостаточно тонкое чутье.

Нервозность излечить трудно: я видел старых собак, стоявших часами на стойке по голубям, сидевшим на крыше их будки, но тонкость чутья можно сильно развить упражнением.

Вы, дядюшка Клодомир, родились в стране виноделия и знаете до какой тонкости вкуса доходят купоры. То, что практика делает со вкусом, она может сделать и с обонянием.

Собаки должны дойти до того, чтобы разбираться в эманациях и делать стойку только по дичи, не обращая внимания на места сидок и на жаворонков.

Возьмите кролика, или фазана, это не важно и дайте ему посидеть по две или три минуты в четырех местах и, наконец, оставьте его в пятом. Ригобер, следивший за Вашими действиями, пойдет за Фрамом, поведет его против ветра к местам сидок, позволит ему обнюхать их, не опуская головы, позволит сделать стоячую полустойку, никогда не допуская до лежащей стойки и потащит его через три секунды, приказывая «брось» Когда он позволит собаке обследовать таким образом все места сидок, он подведет ее к самой дичи и позволит по ней лежащую стойку, а Вы, через минуту, или две, сгоните ее, дернув за снурок, как мы уже говорили.

Кстати заметьте, дядюшка Клодомир, как я стараюсь не позволять Фраму разбирать след; только охотники пятнадцатого сорта радуются, видя, как их собака носится, пофыркивая, по месту, с которого только что снялся вывод куропаток, и говорят: «О, у этого Тома есть чутье!».

Я мог бы, дядюшка Клодомир, привести Вам много случаев, когда на филдтрайлсах великолепные собаки спарывали неожиданно куропаток, благодаря тому, что на один момент они опускали голову, уткнув нос в совсем еще горячий след.

В поле

Когда Фрам почти понял, что он должен сделать при встрече с дичью, Вы можете вести его в поле.

В некоторых странах дрессировка в поле может происходить круглый год; в других, наоборот, в течение трех летних месяцев обрабатывание земли мешает всякой работе; дело дрессировщика распределить занятия своих учеников, сообразуясь с местными условиями; здесь я не могу дать никакого совета.

Предпослав это замечание, воспользуемся, дядюшка Клодомир, прекрасными солнечными днями и поведем Фрама знакомиться с куропатками.

Ваша первая забота – так управлять поиском, чтобы Фрам постоянно подставлял ветру свой профиль в то время, когда он идет полным ходом, и поворачивал бы свой нос против ветра только в тот момент, когда он хочет решить задачу, заданную донесшейся до него эманацией.

После всего, что я писал Вам о поиске челноком, это дело не очень трудное.

Вы, идя сами как раз против ветра, пользуетесь жестом, чтобы направить собаку вправо, свистком, чтобы остановить ее движение в этом направлении, и снова жестом, чтобы направить ее влево.

Всякий раз, как Фрам собьется с этого правильного поиска, заставьте его свистком лечь, дайте ему одно мгновение одуматься и перевести дух и снова пустите в поиск.

Через двадцать выходов в поле Фрам, уже рутинизированный упражнениями дрессировки, последовательность которых мы описали, начнет понимать, какое положение он должен занимать на ходу по отношению к ветру.

«Хотите знать, откуда ветер?» сказал мне однажды дрессировщик Барбари: опустите мою собаку Блэк-Ирис и посмотрите ее на поиске, ветер совершенно перпендикулярен к направлению ее челнока».

Это была правда.

Итак, собака доходит до того, что знает, как она должна работать по отношению к ветру.

С некоторыми животными Вы достигнете этого скоро; с другими – это будет более длинная история, но я не думаю, что возможно совершенное отсутствие успеха: я видел собак, покрывших своих дрессировщиков полным бесславием на публичных испытаниях по ужасной своенравности своего характера, но по отношению к ветру эти же самые собаки искали правильно, из чего видно, что, если не смогли их рутинизировать в твердости стойки и спокойствии при виде дичи, все же достигли успеха в постановке правильного поиска.

Теперь представляется вопрос, какой размах должен иметь челнок? Иначе говоря: на какую дистанцию собака должна удаляться направо и налево?

Это зависит от охотника и собаки.

Если Вы дрессируете собаку для случайного клиента, справьтесь сперва о его вкусах и на основании этого ведите, если это возможно, работу собаки; я говорю: «если возможно» потому, что очень трудно сократить сверх меры некоторых энергичных собак и совершенно невозможно дать быстроту собакам, от природы медлительным.

Когда Вы будете дрессировать собаку для вашего хозяина, постарайтесь, дядюшка Клодомир, узнать его вкусы и скажите ему откровенно: «Это собака такая, или не такая, как Вам надо».

Это лучший способ, чтобы не слышать впоследствии упреков и не применять в дрессировке фокусов: дрессировка должна быть приспособлением природы, а не переделкою ее.

Я думаю, что, позволяя собаке хорошего хода и очень хорошего чутья удаляться в поиск на шестьдесят пять метров направо и налево, ее готовят для удобного пользования ею на практической охоте; я также полагаю, что полезно в первое время давать большую ширину поиску собак, назначенных для филдтрайлсов по английскому способу.

Но в чем я совершенно уверен, так это в том, что собак, обладающих только средним чутьем, должно отпускать самое большее на двадцать метров направо и налево: такие собаки часто влетают в выводок куропаток прежде, чем охотник заметит, и вся птица, подымающаяся в двадцати метрах, бывает уже на расстоянии тридцати пяти метров, когда она выдерживает первый выстрел; все садочные стрелки скажут Вам} что тридцать пять метров уже такая дистанция, на которой больше шансов пропуделять или ранить, чем убить.

Вы знаете чутье собаки, знаете вкус хозяина, работайте в соответствии с ними, но, во время дрессировки, постоянно держите поиск скорее несколько уже, чем шире предела, который Вы установили.

Вопрос о скорости хода – вопрос очень важный: у каждой собаки имеется аллюр, более, чем всякий другой, для нее естественный, он и будет для нее наилучшим, на нем она и даст самую лучшую работу.

Но вот Фрам повернул носом против ветра, сделал короткую полустойку и погнал поднявшийся на крыло выводок.

Вот удобный момент посмотреть, вспомнит ли собака уроки божиться по свистку.

Давайте через короткие промежутки сильные и настойчивые свистки: фьююю, подняв правую руку. Настанет момент, когда собака, бросив бесполезность преследования, опомнится и, возвращаясь к Вам, услышит Ваш сигнал. Допустим, что она еще опьянена страстью и отказывается повиноваться, постарайтесь всеми, находящимися в Вашей власти, средствами показать ей, что Вы являетесь ее хозяином, затем велите Ригоберу взять ее на сворку.

Ваш сын ответит Фраму на то место, где он впервые причуял дичь, и обычным приказанием заставит его там лечь.

Я думаю, что добрых двадцать минут лежания заставят собаку понять, что она должна была бы сразу лечь, вместо того, чтобы срывать со стойки.

Я не советую Вам бить в этом случае собаку, ибо такой совет был бы неудачным.

Если побить собаку, то в другой раз, вспомнив о побоях, она не вернется к Вам, когда страсть увлечет ее в новые проказы.

Я читал одно немецкое руководство к дрессировке, в котором говорилось, что некоторые собаки, которых очень много били, становились равнодушными к доносившимся до них эманациям: они не могли понять били ли их за то, что они причуяли дичь, или за то, что они погнались за нею и, в конце концов, стали считать встречу с дичью за вещь очень неприятную.

Надо, чтобы такие собаки имели очень мало страсти.

Как бы то ни было, избегайте жестоких наказаний и наказывайте лишь продолжительным лежанием, по крайней мере вначале.

Всякий раз, как Фрам делает стойку, заставляйте свистком его лечь, идите к нему, посылайте его вперед, чтобы он приблизился к птице и мог решить задачу: здесь ли она, или нет. Собака никогда не должна продвигаться вперед прежде, чем ее хозяин коснется ее рукой, или произнесет слово «вперед», простирая низко и горизонтально вытянутую руку.

Очень важно, чтобы собака отличала жест, означающий медленный подход, от жеста, назначенного для посылки в поиск, в противном случае на филдтрайлах возможна катастрофа.

Если дичь поднялась на глазах у собаки, придержите ее лежа добрых три минуты, если дичь убежала, заставьте ее снова искать по приказанию: «брось», но не позволяйте никогда искать по следу.

Розыск по следу допустим только при отыскивании раненой птицы.

Вы скоро отдадите себе отчет, дядюшка Клодомир, в невыгоде позволять собаке замирать на подводке по прямой линии к дичи, бегущей далеко впереди, ибо при этом много шансов за то, что Вам никогда ее придется стрелять куропаток, которые, в конце концов, поднимутся на крыло вне выстрела, и за то, что другая дичь может остаться непричуянной в стороне от линии подводки.

Я видел недавно, как сука пойнтер сделала стойку на краю свекловичного поля, затем, по приказанию, поднялась, сделала десять шагов по ветру, а когда заметила, что куропатки убежали, снова пошла в поиск челноком и успела сделать направо и налево от нас три твердые стойки по отдельным беглянкам, тогда как большинство выводка, отбежав, снялось в ста метрах от нас на границе поля.

Я знал много собак, проходивших поле по прямой линии на длинной поводке; большинство публики говорило: «Ах, как это красиво», я же думал: «Вот это плохо».

На настоящей охоте бесконечно ведущие собаки доставляют мало случаев стрелять дичь и заставляют много ходить своего хозяина.

Я вспоминаю, как на филдтрайлах грифон Дерпье-Ами барона Гингнна, причуяв пару куропаток, бежавших вперед, продолжал работать тем же челноком против ветра; всякий раз, как славная собака проходила как раз под ветром от куропаток, она поворачивала нос в их сторону, давая знать, что она продолжает их хорошо чують, и кончила тем, что сделала по ним встречную стойку в конце одного из движений своего челнока, когда куропатки неожиданно отбежали в сторону, и в то же время она добросовестно обыскала свой участок.

Приказывая: «брось» и посылая жестом Фрама направо и налево, Вы достигнете этой осторожной и имеющей практическое значение работы.

Вежливость по отношению к четвероногой дичи

Вот, дядюшка Клодомир, один из вопросов, дающих больше всего случаев работать изобретательности дрессировщиков.

Благородный трут в сердце каждой собаки непременно вспыхивает при виде зайца, или кролика. Порыв этот тем более неодолим, чем больше в жилах собаки крови французской гончей. Кровь фокс-гаунда, холодного по характеру, влечет меньше затруднений.

Хотя мы собираемся дрессировать собак чистокровных и не желаем иметь дело с ублюдками, все же последние, будучи предками собак чистокровных, время от времени, в силу атавизма, как мы видим, появляются в подружейных породах; это собаки, не желающие делать стойки и с наслаждением, даже подавая голос, смакующие следы. Между этими обломами и собаками, работающими только верхом, имеется целая градация, на которой сообразительный дрессировщик может упражнять одновременно свое терпение и энергию.

Практика подачи четвероногой дичи чрезвычайно усложняет вопрос; это и понятно: в одном случае собака имеет право ее преследовать, а в другом – нет, тут ничего не поймешь!

Чтобы переходить от более простого к более сложному, Вы сначала будете совершенно запрещать Фраму идти за четвероногой дичью, наоборот, рутинируя его ложиться при встрече с нею.

Это будет легко, если Вы часто повторяли отличное упражнение, которому я Вас научил, с Вашей таксою, гонящую кролика вокруг Фрама, лежащего на дворе, и приучили Фрама делать лежачую стойку по кролику и оставаться твердо лежать при его подъеме.

Так как, к Вашему счастью, дядюшка Клодомир, в пятнадцати сотнях метров от Вашего дома находится еловый лес, где много кроличьих нор, то сведите туда Фрама на один урок охоты с хорьком, но без выстрела. Я не знаю, что может быть лучше этого.

Ригобер, держа собаку на сворке, прикажет ей: «сесть», а в тот момент, когда кролик выскочит из норы, он заставит ее лечь резким толчком парфорса; затем, через минуту или две, снова прикажет: «сесть».

Когда Фрама уже не нужно будет больше дергать за парфорс, чтобы он лег, при виде кролика, будет сделано много.

При профессиональной дрессировке можно отлично устроить в огороженном месте искусственную нору из гончарной трубы, длиною около четырех метров, положив ее горизонтально и прикрыв землей. Помощник сажает домашнего кролика во входное отверстие трубы и заставляет его выйти с другого конца, выгоняя при помощи жерди или хорька.

Дядюшка Баррейр, из Ла-Мотт-Беврон, бывший одним из моих учителей, привязывал на шею своим кроликам бечевку в один метр длиною, с белым лоскутком на конце; таким образом ему легко было находить кроликов в своем огороде и ловить их.

Быть может Вы спросите, дядюшка Клодомир, почему я желаю, чтобы Фрам на норе сидел, а не лежал. Хорошо, я Вам это объясню: потому, что я хочу не того, чтобы он привык оставаться лежать при виде четвероногой дичи, но сам бы ложился в такой момент; в этом есть некоторая разница.

Когда мы дойдем до этого, мы уже пройдем большую часть нашего пути.

Я не вижу, что бы еще Вам посоветовать, кроме частых выходов в поле, обильное дичью.

Пуускайте собаку в быстрый поиск, но не допускайте размахов более ста метров.

Вот на глазах у собаки вскакивает заяц. Тут важны три случая:

1. Или она ложится – тогда ничего лучшего и не надо. Продержите ее лежа в течение двух минут, с часами в руках, положите ей руку на голову и пустите в поиск.

2. Или она бросится за зайцем и ляжет, сделав несколько скачков и услышав свисток, который Вы поспешите дать.

Пусть Ригобер пойдет к собаке, возьмет одной рукой за ошейник, другой – за шкуру на спине около хвоста и отнесет на то место, где она должна была бы сама лечь; не говорите ничего, но оставьте ее в таком положении минут на пять.

3. Или она бросится в сумасшедшую погоню, не обращая внимания на зов, и возвратится только много времени спустя.

Поручите Ригоберу взять ее снова на сворку, отвести на то место, где она была, когда увидела вскочившего зайца, и оставить ее там на четверть часа, не без того, чтобы время от времени Ригобер подергивал немного парфорс.

Чтобы не терять времени, идите с Пингвином дальше, пуская работать другую собаку.

Когда Фрам будет пущен в поиск и снова увидит зайца, он всегда поступит по одному из приведенных трех способов. Через известное время Вы, придерживаясь изложенных правил, должны заметить улучшение. Предположим самый досадный случай: собака бросается каждый раз все с тем же пылом.

Характер Фрама может быть таким, что его можно наказывать, и он не будет за это в претензии, или, что хуже всего, он может обладать обидчивым характером.

В первом случае, если собака после семи-восьми бросков не исправилась, несмотря на то, что Ригобер всякий раз брал ее на сворку и оставлял лежать все более и более продолжительное время, я не вижу препятствий к тому, чтобы он, привязав собаку к железному колу, вбитому в землю, отпустил ей порядочное количество ударов хлыстом по задку и бокам; если Пингвин может ему в этом помочь, хуже не будет; так как, если мы уже вынуждены прибегнуть к насилию, то надо, чтобы наказание осталось в памяти; мы совершенно уверены в том, что собака понимает предъявляемые к ней требования, но систематически отказывается повиноваться; покажем же ей, что непослушание – вещь плохая.

В течение получаса побои будут сменяться продолжительными свистками и короткими передышками. Это приведет к спасительному размышлению, а немедленное возвращение домой лишь способствует им.

Собаку надо бить «редко, да метко». Я советую Вам самому не трогать Фрама при наказании, не бить его собственноручно потому, что всегда надо, чтобы оставался хоть один человек, к которому бы собака шла охотно. Это необходимо, чтобы обеспечить успех дрессировки.

Но у Фрама характер обидчивый и наказание оказало бы на него лишь то действие, что, после проступка, он убежал бы с тем, чтобы не возвращаться, как это было с сеттером Пейена в 1904 г., в Буломе. Самое лучшее, заставить Ригобера следовать за ним во время работы, имея наготове быстроногую дворняжку, как Мушкетер, о которой я говорил Вам.

Дядюшка Баррейер научил меня тремя уловкам, цель которых отучить обидчивых собак от гоньбы за зайцами; я спешу сказать Вам, что сам я, ими никогда не пользовался, по словам же Баррейера, они доставляли успех там, где ничто не помогало; но дядюшка Баррейер порою привирал; ну, да это не важно, и в отчаянных случаях можно попытаться применить его способы.

Уловка с мешком

В большой мешок сажают зайца и собаку, мешок подвешивают к чему-нибудь и рукояткою хлыста бьют по нему изо всех сил в продолжение доброй четверти часа; собака убеждается, что она ничего не выигрывает от близости зайца, и получает к нему отвращение.

Уловка с электрическим зайцем

На ровном поле помещают зайца, привязанного к катушке Румкорфа, к электрической батарее, как устраивается «электрическая женщина» на ярмарках; когда собака бросится на зайца, она получит сильный толчок, который навсегда поселит в ней отвращение к зайцу.

Уловка с ирландским терьером

Выбирают ирландского терьера, окрас которого был бы близок к окрасу зайца, по характеру очень драчливого и злого; приучают его драться с другими собаками и, когда он достигнет в этом успеха, надевают на него чепчик с прикрепленными к нему заячьими ушами. Когда он привыкнет к нему, заставляют третье лицо отвести его в поле. Заметив мнимого зайца, непокорная подружейная собака погонится за ним и будет очень поражена, встретив не

спасающегося от нее зайца, а зайца, который бросится к ней навстречу и задаст изрядную трепку. Эта уловка, повторенная несколько раз, кажется, будет в состоянии внушить отвращение собакам, слишком жадным до четвероногой дичи.

Приведу Вам еще пример одного дрессировщика из Буа-Будрон, выращивающего Блэ-д'Овернов. Он не обрубает хвостов у щенят, а производит эту операцию при первом случае, когда молодые собаки бросятся за зайцем, что по-видимому, навсегда остается у них в памяти.

Но все это не истинная дрессировка, как и дрессировка при помощи выстрела, являющаяся тоже способом, о котором мы не лучшего мнения.

Один мой знакомый крестьянин – полуохотник, полубраконьер учит всех своих собак возвращению по свистку и спокойствию при подъеме дичи, при помощи выстрела из ружья. Когда собака слышала уже достаточно выстрелов, чтобы быть уверенной, что они для нее безвредны, наш знакомец свистит, делая полуоборот; если собака не возвращается немедленно на свисток, она получает в шестидесяти метрах заряд бекасинника, что побуждает ее внимательно относиться к свистку: такой же заряд дроби на сорок шагов получает собака, если она бросится за куропатками или зайцем, что очень быстро ее охлаждает.

Если бы этот крестьянин знал об укладывании собаки, он и этому учил бы их таким же образом. Это был флегматичный человек, у которого никогда не было неприятных случаев.

Этот метод, по моему мнению, может иметь место только с животными, не покоряющимися обычной дрессировке, которых предпочитают видеть мертвыми, чем оставлять бесполезными: если они будут убиты – тем лучше.

Если, дядюшка Клодомир, Вы будете когда-нибудь вынуждены прибегнуть к этому способу, вложите в оба ствола одинаковые патроны, ибо второпях Вы можете ошибиться спуском и послать собаке заряд четвертого номера, вместо девятого, что имело бы печальные последствия; я могу даже привести Вам несколько примеров этого.

Грубость всегда была мне противна, я предпочел бы переменить собаку, которую рациональная и последовательная дрессировка не смогла бы дисциплинировать; но, так как я служу Вам проводником по изгибам профессиональной дрессировки я должен, хотя и против своего желания и всего в нескольких словах, но все-таки коснуться этих опасных приемов.

Так как Фрам, при виде бегущего зайца, будет падать на землю, увлеченный непобедимым могуществом рутинирования, и этот самый Фрам на Вашем дворе бросится, чтобы подать, по приказанию, зайца, стрелянного из ящика для голубей, у него, мало-помалу, явится мысль: если заяц движется, надо, при виде его, ложиться, а когда он неподвижен, можно, по приказанию, идти к нему.

Вопрос не был бы сложен, если бы заяц, после выстрела, всегда оставался на месте, но не всегда так бывает, и раненый заяц порождает неясности.

Как общее правило, надо знать вкусы хозяина: если последний предпочитает выдержанность, не позволяйте собаке на охоте преследовать раненого зайца и позволяйте подавать лишь мертво-битых и то не всех; если же хозяин любит лишь рагу из зайца, то распустите несколько собаку, однако не переступая требований вежливости по отношению не стрелянных зайцев, рутинирование на охоте сделает остальное.

Сознаемся, дядюшка Клодомир, что собаки, падающие, как инертная масса, при виде зайца, но уходящие за ним по приказанию: «подай» на целый километр и никогда не делающие ошибок, еще реже у дрессировщиков, которым ежедневная практика и исключительно строгий хозяин не привили привычки следить за правильностью работы.

Собаки, обладающие самым коротким поиском и, благодаря этому, чувствующие постоянно власть над собою, находятся в самых легких условиях в смысле удержания их в границах: вежливости по отношению к зайцу. Многие охотники, любящие широкий поиск, отказываются от требований подачи четвероногой дичи.

Секундировка

Пока будут существовать международные испытания, до тех пор будет необходимо заниматься изучением секундировки.

Я не буду обсуждать с Вами, дядюшка Клодомир, вопроса об удобстве секундировки для такой охоты, какую мы обыкновенно практикуем, не буду распространяться о том, каким образом эта работа приводит к ложным результатам на филдтрайлах в вопросе об оценке качеств, наиболее для нас интересных, – все это было бы бесполезно.

Секундировка необходима в Англии, где охотятся с двумя собаками; спортсмены, составлявшие правила испытаний, были только логичны, требуя секундировку и оценивая ее так же высоко, как и природные качества.

Принимая обычаи тех, кто были нашими учителями в деле улучшения пород подружейных собак, мы пожелали встать с ними на одну плоскость, чтобы иметь возможность делать сравнения; вот и все.

Почти все молодые собаки секундируют от природы, так что дело идет скорее о развитии у них этой способности, чем о создании ее.

Способность эта ослабляется страстью и недостатком доверия к другой собаке: страсть побуждает собаку самостоятельно отыскивать эманацию и делать стойку, а недостаток доверия заставляет или не обращать внимания на стойку товарища, или идти проверять ее, если последний уже несколько раз делал стойки, а собака не видела, чтобы из-под них что-либо летело или бежало.

Дрессировкою Вы не сможете, дядюшка Клодомир, на много уменьшить страсть, или увеличить доверчивость собаки, поэтому Вы должны направить все Ваши усилия к развитию машинальной вежливости, – инстинкт сделает остальное.

Я Вам уже указывал, когда говорил об укладывании собак на хорошую привычку, которую следовало бы привить Фраму, именно: ложиться при виде другой лежащей, или сидящей, собаки; теперь я возвращаюсь к этому, ибо это – основа преподавания.

Ригобер возьмет собаку на сворку и будет коротким толчком парфорса, не произнося ни слова, заставляя ее ложиться всякий раз, как Вы заставите сесть или лечь Брискара, рысящего подле Вас по дороге или по полю.

В довольно короткий срок Фрам поймет, чего от него хотят, но считать достигнутый результат серьезным можно лишь тогда, когда собака ни разу не пропустит по собственному почину лечь, видя Брискара сидящим или лежащим, даже, если Ригобер оставит сворку тащиться по земле.

Если у Вас хватит терпения продолжать это упражнение. Вы добьетесь желаемой рутинированности.

Мне часто приходится охотиться с тремя собаками; во время сильной жары я заставляю каждую собаку работать хорошим галопом около двадцати минут так, чтобы каждой из них приходилось отдыхать, идя шагом, по сорок минут.

Таким образом мой поносчик ведет сзади двух сосворенных собак; он приучен заставлять этих собак ложиться во всех случаях, когда собака должна была бы лечь на охоте, особенно, когда их товарищи на стойке. Эта небольшая практика быстро приучает собак к секундировке и, когда я порой хочу доставить себе удовольствие, я заставляю работать сразу двух собак; они не делают ошибок против требований вежливости.

Если, при одновременной работе двух собак, одна из них делает стойку, а другая, заметив или нет эту стойку, окажется впереди, надо пойти за этой последней, отвести ее назад, где и уложить ее метрах в двадцати сзади стоящей собаки, действуя с некоторой строгостью, если такие поступки повторяются у нее слишком часто.

Такой способ действия приучает собак следить одну за другой. Секундирующая собака не должна подвигаться вперед, когда собаку, которой она секундирует, заставляют подводить, лучше всего заставить следить за этим помощника и пусть он, как и всегда, возьмет за ошейник и кожу зада секундирующую собаку и отнесет ее на ее место, если она подвинулась хоть на одну линию.

Практика делает остальное, особенно, если дрессировщик достаточно расторопен и может постоянно работать одновременно с двумя собаками.

Из того, что собака секундирует своим товарищам по питомнику, еще не следует, что она будет, по собственному почину, секундировать собакам незнакомым. На настоящей охоте я предпочту собак, которых не занимает работа собак моих приятелей, бродящих по полю, более

или менее, далеко от меня, но для испытаний надо приучить собаку следить за работой конкурентов и секундировать им.

Можно быть почти вполне уверенным в собаке, только рутинировав ее в секундировке незнакомым собакам всех пород и окрасов.

Бельгийский любитель пойнтеров, М. де-Бру, держит в питомнике английских и ирландских сеттеров с единственной целью приучить своих пойнтеров секундировать собакам различной внешности.

Подготовка к испытаниям

Подготовка, дядюшка Клодомир, разделяется, собственно, на дрессировку и тренировку.

Дрессировка, которую мы рассматривали до сих пор, это – дрессировка общая, которую необходимо дополнить дрессировкой специальной, предназначенной для случаев, когда собака должна доказать свои качества и свое воспитание.

Во всякой дрессировке существует первая ступень, имеющая своею целью подготовить собаку, и вторая ступень, служащая для совершенствования собаки.

Дрессировка специальная дается большею частью самой практикой; каждый охотник изменяет несколько работу своей собаки, применительно к своим привычкам, своей дичи, своим угожьям.

Владелец, если только он не дал Вам вполне определенных указаний, не может быть в претензии, если его собаке, в первые дни, недостает опытности в подаче в тех условиях, в которых он ею пользуется.

Но на публичных испытаниях никто не может входить в эти соображения, так как программы и правила достаточно ясны; выводящий собаку на испытания должен стараться дрессировать ее, имея в виду удовлетворить предлагаемым требованиям, и его рассказы и объяснения судьям были бы совершенно неуместны.

Если бы собак награждали за рассказы ведущих их, все собаки имели бы почетные призы.

Получив программу, Вы должны отыскать в ней детали, выходящие из ряда обычных в Вашей работе.

Для конкурса подачи, например, на выставке, надо не только учить собаку безукоризненной подаче назначенных для того животных, но и приучать ее подавать среди лающих собак, движущихся людей и т. д.

Для испытаний большого поиска надо работать свою собаку в компании с другим дрессировщиком, тоже готовящим собаку. Тут дело идет уже не о том аллюре, каким собака работает на охоте, но аллюре очень быстром, который собака должна быть в состоянии поддержать в течение получаса самое большее всякий раз, как ее заставят работать. Специальною дрессировкою и надо незаметно довести собаку до такого поиска и такого хода.

Для испытаний «по-французски», наоборот, надо уменьшить быстроту и ширину поиска: Ваша собака должна предстать такою, какою она бывает в середине дня на охоте в жаркий сентябрьский день.

Если бы Вы вели собаку в Германии на «смешанных испытаниях», надо было бы приучить ее душить кошек и лисиц и подавать их, идти по следу козла и лаять при виде мертвого животного. Собака в день публичного появления теряет, по великому закону, царящему на всех экзаменах, по крайней мере десять процентов своих качеств и, если раньше она не имела их всех, она сильно рискует потерпеть неудачу. Этим объясняются посредственные награды, полученные очень хорошими собаками.

Вспомните, дядюшка Клодомир, о прелестном маленьком сеттере Сэр-Фредерик, выведенном Тибо в Мисси-ле-Льесс в 1904 г., который, хотя и был прекрасно дрессирован, допускал грубые ошибки, отказываясь даже делать стойки, так как чувствовал сзади себя присутствие незнакомых собак.

Фредерика погубило не то, что он не был подготовлен к парным испытаниям, ибо его ежедневно работали в паре с его товарищами по питомнику, а то, что он не привык хорошо себя чувствовать в присутствии толпы людей и незнакомых собак.

Для специальной дрессировки, которая нас сейчас занимает надо очень внимательно изучить характер собаки. Если одинаковой постепенной работой достигается успех почти со всеми собаками самых разнообразных характеров, когда мы занимаемся первой ступенью дрессировки, то, при окончательной постановке, особенности в работе с каждой собакой зависят от ее физических и моральных качеств.

Тренировка, имеющая целью привести в наилучшее состояние легкие и мышцы собаки, подчинена также общим правилам и особым соображениям.

Общие правила, дядюшка Клодомир, касаются работы, питания и способа соразмерить это одно с другим, чтобы довести до возможно лучшего состояния дыхания и энергию собаки.

Особые соображения требуются для окончательной постановки собаки; когда все собаки до известной степени подготовлены, надо сообразить, как надо закончить подготовку каждой из них, чтобы довести ее до возможно лучшего состояния, какую специальную работу можно назначить для этого.

Тренировка собаки, подготовляемой к испытаниям большого поиска, совсем не та, что тренировка охотничьей собаки, подготовляемой ко дню открытия охоты.

Для двух собак перед выводом их на одни и те же испытания большого поиска, если желают, чтобы в день испытаний обе они работали в совершенно одинаковой степени охотно, но не увлекаясь до самозабвения, должно соразмерить тренировку с их силами: с одной надо работать только три дня, с другой – целые недели.

В определении этого нужна известная сноровка, которую Ригобер, мало-помалу, приобретает после того, как с пересолом, свойственным его молодости, он кажется побитым на публичных испытаниях, перетренировав собак. Возвратясь обескураженным домой, он поместит их в питомник, а четыре дня спустя, выведя их в поле, он будет восхищен, видя, что они показывают исключительно хорошую работу.

Если подготовляемые Вами собаки, как и все обитатели питомника, несколько раскормлены, надо немного сбавить им жира и увеличить объем и плотность их мускулов работой.

Вы убедитесь в хороших результатах, увеличивая, мало-помалу, прогулки за велосипедом; умеряете сначала скорость и соразмеряйте работу с силами самых слабых из Ваших собак. Начинайте эту работу в прохладные часы дня, затем, не бойтесь перейти к работе в жару.

Это первый период тренировки, когда все собаки могут работать вместе. Пока собаки легко и близко следуют за велосипедом, пока они охотно выходят из питомника, – все идет хорошо. Если же в один прекрасный день собака заставит просить себя следовать за Вами, то это значит, что Вы, в своем усердии, перешли границу, идя слишком быстрым ходом, или сделав слишком много километров, или недостаточно часто давая отдыхать собакам.

Наиболее подходящим кормом будет тот, в котором доминирующее положение занимает свежее мясо; сахар и яйца довершат его укрепляющее действие.

В три недели собаки уже более мускулисты, свободны от жира и ноги их приведены в рабочее состояние.

Настал момент понемногу работать собак на быстром галопе, поддерживая скорость по тридцати километров в час, сначала в течение минуты, затем – двух и, наконец, в течение десяти минут.

Вот, где необходима та сноровка, о которой мы говорили, чтобы избежать всякой усталости.

Веселый вид, с которым собака принимается за работу, является единственным показателем, по которому можно судить о том, как собака переносит тренировку.

В тренировке за велосипедом надо дойти до того, чтобы делать полевым аллюром, т. е. со скоростью, приблизительно от двадцати до тридцати километров, в течение дня три поездки, по полчаса каждая, с легкими замедлениями через каждые пять минут и остановками в тридцать секунд через каждые десять минут.

Не придавайте, дядюшка Клодомир, большего, чем надо, значения цифрам, которые приведены здесь с исключительною целью уяснить Вам самую идею и показать, что я особенно стараюсь поставить собак, на пути их мускульной работы, в приблизительно обычные условия филдтрайлов; где они задерживаются на потяжках и останавливаются на стойках, или по

самой дичи, или секундируя своему конкуренту.

Наоборот, для подготовки собак, с которыми собираются охотиться по шести часов подряд, надо избегать хода, превышающего, приблизительно, тринадцать километров в час.

Если собаки слишком худеют в период тренировки, то это может происходить только потому, что в деле тренировки двигаются слишком поспешно и недостаточно постепенно, ибо, ведь, мы условились, что собаки будут получать достаточно обильный корм; следовательно, в питании нельзя искать причины их изнуренности, не так ли?

Когда день испытаний будет совсем близок, полезно уменьшить работу и увеличить питание, ибо в дороге собака истощается, а, чтобы на ней это не отразилось вредно, надо, чтобы у ней было что терять.

Тренировка в поле основывается на тех же правилах, что и тренировка на дороге: если желают добиться быстрого хода, прекращают работу собаки, как только заметят, что она уже идет неохотно; проведя ее час шагом, снова пускают в поиск и делают еще один забег; на другой день, если собака оживлена, заставляют ее сделать еще забег; если же она утомлена то берут ее на прогулку на сворке; мало-помалу, достигают того, что собака охотно поддерживает свой ход.

Дядюшка Клодомир, последнее слово о подготовке собаки в поле: эта работа веселая, но не бешенная, т. е. работа уравновешенная. Страстность мне очень нравится, если следом за ней не является усталость.

Тренировка в поле собаки для охоты, конечно, отличается от только что описанной, ибо здесь скорее надо сдерживать быстроту хода и увеличивать его продолжительность; достаточно удлинить время, в течение которого собака работает, чтобы она поняла, что ей выгодно не слишком расходовать силы сначала, чтобы быть в состоянии дольше работать.

Тренировка в поле, во всякое время и на всяких угодьях, конечно, является самую лучшею, ибо она требует поиска челноком и происходит в тех же условиях, что и публичные испытания или охота; это не оставляет сомнения, но при профессиональной дрессировке нельзя постоянно иметь доступ в поле, отсюда – польза работы на дороге.

Меня часто спрашивали, нельзя ли найти какого либо способа, чтобы уменьшить число необходимых выходов в поле, беспокоящих дичь и требующих известного штага служащих.

Прогресс не знает границ и возможно, что изобретут какую-нибудь машину, при помощи которой можно будет заставить собак галопировать на месте то в одном направлении, то в другом.

Не напоминает ли это вам, дядюшка Клодомир, знаменитого ковра в театре Варьете, вращающегося со скоростью сорока пяти километров, так что скачущие по нему лошади не подвигаются вперед ни на линию.

Вас порядком удивил этот номер Обозрения, Вы не пожалели бы, если бы случайно попали в Париж.

Ковер, движущийся на триста метров в одну сторону, затем на столько же в другую и т. д., хорошо рутинировал бы собаку в равномерном ходе и правильном поиске по сто пятьдесят метров вправо и влево от ведущего.

Вместо ковра – большой барабан, радиусом в два метра, вращающийся вокруг горизонтальной оси и приводимый в движение какою-нибудь силою то в направлении часовой стрелки, то в противоположном, дал бы тот же результат.

Вы, дядюшка Клодомир, вероятно, уже видите «заводную дрессировку», где в различных барабанах движутся то пуделя, делая со скоростью по восьми километров в час по десять метров то в одну, то в другую сторону; то сыновья сеттера Уайльд-Неро, пущенные со скоростью тридцати шести километров и несущиеся па четыреста метров в одном направлении и на столько же в другом!

Американские тренера, столь заядлые сторонники галопа по хронометру, потеряли бы сон при виде этого.

Сегодня все это – шутки, а завтра может быть, будет действительностью.

Механика не знает невозможного, и так как можно бы было регулировать скорость движения площадки для каждого животного в полном соответствии со скоростью хода, наиболее для него свойственного, то нет основания делать заключение, что применение этого

метода противно здравому смыслу, хотя теория его и сбивает с позиций приобретенные привычки. Механик нажимает на кнопку для останова: слышится свисток «фьююю», все останавливается и собаки будут лежать до приказа «иди», сопровождаемого нажатием на пусковую кнопку, снабженную надписью: «Ригобер и Ко. Механическая дрессировка».

Но предоставим пока мельничному колесу вращаться еще несколько времени и не будем отнимать от него его могущества.

Выступление

Как профессиональному дрессировщику, Ригоберу придется удовлетворять требованиям судей на испытаниях и требованиям владельца собаки при ее сдаче.

Он не должен будет принимать в расчет своих собственных вкусов и даже, порой, способностей собак.

Вначале ему будет тяжело видеть, как уничтожают лучших собак, но он к этому привыкнет; когда приходится зарабатывать себе кусок хлеба, надо уметь приносить в жертву некоторые свои идеи и считать себя счастливым, занимаясь ремеслом, которое, в своих общих чертах, интересует Вас.

Перед судьями

Судьи на публичных испытаниях не желают присутствовать в качестве ассистентов при уроках дрессировки, а требуют, чтобы им показали собак такими, какие они есть.

Излишество в пользовании жестами и свистком, работа с музыкой – не пользуются их симпатией.

Ригобер, выслушав приказание судей, должен идти по указанному направлению, внимательно присматриваясь к попавшемуся ему участку и стараясь помогать собаке возможно чаще, а, главное, в возможно лучших для нее условиях находить дичь.

Не всегда найдутся такие судьи, как М. Мэресс, который имея многолетнюю практику, может с одного взгляда оценить работу собаки и отличить, что должно отнести к дрессировке и что к природным качествам; точно так же, чтобы не оставлять в тени заслуг собаки, Ваш сын постоянно должен держать в голове следующее правило: «когда собака прихватит, надо повести дело, чтобы было видно, что птица поднялась в то время, когда собака стояла по ней на стойке или лежала».

Такая, не вызывающая сомнений, работа производит хорошее впечатление на всех судей и на публику.

В момент подъема дичи, дрессировщик подымает обе руки, чтобы обратить на это внимание.

Когда собака делает стойку, надо бежать к ней и посылать ее вперед. Если дичь находится близко, она подыметя и все будет хорошо: если же дичь убежала, надо заставить собаку отыскать ее верхним чутьем.

Это отыскивание убегающей дичи – дело крайне щекотливое и часто вызывает промахи; вот почему выгодно даже бежать к стойке, чтобы только дать дичи возможно меньше времени для бегства.

Если ведущий подойдет уже поздно и заметит, что собака упустила с чутья самое дичь и чувствует только ее след, надо послать ее разыскивать убежавшую дичь не по ветру, а против ветра: без этой предосторожности собака может пройти рядом с птицей, не отметив ее.

Сеттер Дон-Жуан г.г. Роже и Вандер Влие был замечателен своим умением пользоваться ветром; вспомните, дядюшка Клодомир, как Вас это поразило в Буломе.

Ригобер, выдрессировав свою собаку секундировать, все же должен следить за нею, ибо лучше остановить ее свистком, чем позволить ей сделать, по жадности, ошибку, за которую ее снимут с испытания.

Когда собака секундирует, самое верное – это подойти к ней, чтобы удержать ее в границах вежливости, а по необходимости, заставить ее и лечь, чтобы она немного отдохнула,

пока другая ведет.

Когда выскочит заяц, то тоже, если не совсем уверены в собаке, лучше дать свисток, чем допустить собаку сделать ошибку, исключаящую ее из числа испытываемых.

Самые лучшие по дрессировке собаки делают ошибки, и необходимо постоянно смотреть в оба и иметь свисток наготове.

Когда собака сделает ошибку, надо не терять веселого вида и не позволять себе испускать неуместные проклятья, а тем более публично наказывать собаку.

По поводу наказаний я скажу Вам, дядюшка Клодомир, что французские писатели, выдавшие английским дрессировщикам патент на мягкость их обращения с собаками, присутствовали не на всех филдтрайлах, ибо иначе они видели бы не один удар палкою, а особенно ногою выпадавший на долю собаки, сделавшей ошибку против правил дрессировки.

Вот в нескольких словах то, чему теория может научить.

Перед владельцем

Однажды я должен был купить для приятеля собаку у мелкого французского дрессировщика по имени Николай; прежде чем я увидел собаку, мои уши были полны рассказами о ее добродетелях; я потребовал пробу: поиска у собаки не оказалось никакого, она шла по ветру, на свисток возвращалась, когда ей хотелось, и наконец, отказалась подать кролика, убитого мною в норе палкою.

Когда адвокат старается спасти голову убийцы, он обнаруживает менее таланта, чем обнаружил Николай, убеждая меня, что этот Фанор был великолепен, но что это... но что то... В другой раз, хотя такого рода поручения мне не особенно-то нравятся, я остановился в Эльзасе у одного лесника, чтобы купить брака, которого мне указали; это тоже было для одного приятеля, желавшего иметь брака, исполняющего на облате обязанности ретривера.

Лесник, огромный детина с рыжей бородой, показал мне брака Фельдмана и сделал знак своему мальчику лет восьми, затем, взяв ружье, повел меня на задворки; мальчик догнал нас, неся мешок и картонку, к крышке которой была привязана веревка; в мешке был жирный домашний кролик, а в картонке – голубь. Лесник заставил лечь Фельдмана у своих ног, в тридцати шагах от картонки и, когда голубь вылетел из этого примитивного ящика, он свалил его, но только ранил; Фельдман не пошевелился, затем, по данному знаку бросился, схватил голубя, но, так как последний ударил крылом собаку, та его бросила и, возвратившись, поджав хвост, села рядом с лесником.

Дрессировщик Николай рассказал бы целую историю. Лесник же нахмурил брови и сказал только: «Трефа»!

Мальчик увел Фельдмана и возвратился с крупным вюртембергским браком, который сам лег у ног лесника, затем, по жесту, пошел за раненым голубем, подал его, потом другого, мертво-битого, а также подал и большего кролика.

Все это было исполнено молча. Я купил Трефа за шестьсот двадцать пять франков.

Я не хочу обобщать и уверять Вас, что надо перебраться через границу, чтобы увидеть правильное демонстрирование собаки, я лишь привожу Вам, дядюшка Клодомир, два типичных случая, настолько красноречивых, что пояснений не требуется.

Если к Вам явится покупатель смотреть Ваших собак, совершенно честно покажите их ему такими, каковы они есть, и не говорите ничего.

Если владелец приведет Вам в дрессировку собаку, справьтесь о том, какая желательна дрессировка, и не возвращайте собаки, пока она не будет повиноваться так, как повиновался, в моем присутствии, леснику Треф.

Держите всегда Ваших собак несколько строго, если они независимы по природе, ибо на тысячу владельцев едва найдется один, который сумел бы сдерживать несколько предприимчивую собаку способами, предписываемыми правильною дрессировкою.

Вы должны всегда вести дело так, чтобы иметь возможность представить владельцу собаку, делающей стойку, ложающейся по свистку и при выстреле и, если это требуется, мягкого хваткою подающею птицу и четвероногую дичь.

Вам надо позаботиться о том, чтобы у Вас был огороженный участок, где бы Вы могли,

когда сезон охоты еще не открылся, показать, что умеют делать Ваши собаки.

Не забудьте также про полное послушание приказанию: «к ногам»; собака, будь она великолепна в работе, производит неблагоприятное впечатление, если ее нельзя удержать рядом с собою без сворки; наконец, многие охотники имеют привычку посылать собаку к ногам, когда они видят в кусте дичь; не Ваше дело спорить об этом обыкновении – спортивно оно или нет.

Так как многие из владельцев будут спрашивать у Вас, дядюшка Клодомир, о способах удержать их сук от пустовки ко дню открытия охоты, то вот Вам средство. Около пятнадцатого июля надо отыскать суку в охоте, купить ее, или взять на прокат и запереть ее с суками, пустовка которых окончилась, по крайней мере, уже четыре месяца тому назад и которые, следовательно, грозят быть непригодными для охоты, – они, как бы заразясь, значительно ускорят начало пустовки и будут совершенно готовы к концу августа. Не смейтесь над этим способом, успешно применявшимся мною много раз.

Если к Вам придут осенью покупать готовую подружейную собаку и попросят попробовать ее в поле, остерегайтесь молодой дичи, дурного «сцента», пахучих трав и жары... Эти причины сделают то, что чутье Вашей собаки покажется коротким. Есть только один способ показать клиенту, чего стоит собака, Это – показать ему одновременно работу классного филдтрайлера или собаки, известной за очень хорошую; покупатель, путем сравнения, лучше будет в состоянии понять влияние условий на обоняние и не обвинит Вас в том, что Вы предлагаете ему бесчутную собаку, тогда как Вы представляете ему очень одаренное животное.

Несколько замечаний

Вы просили меня, дядюшка Клодомир, приехать посмотреть работу Фрама, так как Вы достигли результатов, которыми удивлены сами.

Я возвратился, очень удовлетворенный своим посещением, и повторяю здесь то, что говорил Вам на словах. Вы поняли все, что надо было понять, и теперь Вы можете руководить Ригобером в дрессировке филдтрайлера.

Однако, я имею сделать Вам одно общее замечание: Вам еще не хватает достаточного хладнокровия и точности.

Я видел, как Фрам прихватывал, идя по ветру; Вы дали свисток «фьюфью», но он не возвратился и, в дальнейшем, сделал стойку – Вы спустили ему это.

Каждый раз как Вы – правильно ли, ошибочно ли – прикажете что-либо собаке, надо, чтобы она исполнила Ваше приказание.

Вы были уверены, что Фрам слышал Ваш свисток, следовательно, надо было приказать Ригоберу побежать за ним, схватить конец сворки, привязанный к парфорсу, и тотчас привести его к Вам, а Вы должны были время от времени давать короткие свистки «фьюфью».

Я также заметил, что Фрам проскакал еще десять метров после того, как услышал Ваш свисток.

По-видимому, Вы были вполне удовлетворены. А, по-настоящему, Ригобер должен бы был пойти к собаке, взять ее за кожу зада и отнести на то место, где свисток достиг до ее слуха.

Пока Ваши приказания не будут сопровождаться исполнением почти электрическим, если можно так выразиться, Вы не должны смотреть на дрессировку, как на законченную и Вашими собаками не будет сделано ни одного шага по пути доброй рутинированности.

Ваше дело увеличивать свои требования постепенно и не требовать от собаки того, чего она не понимает.

Мне остается пожелать Вам нечто совершенно частного характера: это-поддержание добрых отношений с полевыми сторожами и жандармами, ибо, по закону, можно выводить собаку в поле для работы в то время, когда охота запрещена, лишь по особому разрешению.

Закон 1844 г. не предусмотрел дрессировки. Будем надеяться, дядюшка Клодомир, что все изменится и, в конце концов, хорошие дрессировщики будут иметь возможность работать породистых собак в течение всего года, для вящей пользы охотников и процветания прекрасного спорта.

Если закон об охоте нем по вопросу о дрессировке, то гражданский устав тоже обходит

молчанием способы разрешения споров между дрессировщиками и клиентами. Кроме того, в силу аксиомы, что «худой мир лучше доброй ссоры», судьи до сих пор не вынесли достаточного количества решений, чтобы они могли осветить заинтересованным сторонам их взаимоотношения; я отлично понимаю, дядюшка Клодомир, что Вы будете просить у меня совета по вопросу о том, как Вам держаться с клиентами. У всякого дрессировщика имеются свои собственные привычки и здесь трудно говорить об «обычном праве», которое, при отсутствии договора между сторонами, могло бы служить основанием для решений, в случае возникновения недоразумений. Раз дело обстоит таким образом, не остается ничего другого, как обратиться к общему случаю и оговорить все условия в контракте. Испытав, как следует, собаку, дрессировщик должен определить, сколько времени потребуется ему на работу с нею, чтобы добиться успеха. Если в дрессировке собаки предвидятся известные трудности, он должен установить, уверен ли он, что их победит или нет. Наконец, контракт всегда должен предвидеть обстоятельства, оттягивающие срок исполнения или делающие последнее невозможным, например: сезон исключительно холодный и дождливый, болезнь дрессировщика и т. д.

Раз контракт заключен, дрессировщик должен стараться точно его выполнить. Я полагаю, что с его стороны неправильно обращать мало внимания на одну собаку потому, что у него имеется другая, владелец которой очень торопит, или которую надо подготовить к испытаниям. Не следует никогда откладывать урок до другого дня потому, что имеешь дело с клиентом, славным человеком, согласным оставить на семь месяцев в дрессировке собаку, которую можно было бы совершенно поставить в пять.

Но самая большая ошибка, в которую может впасть честный дрессировщик – это оставлять владельца в неведении относительно неудач, испытываемых с его собакой и, таким образом позволять ему надеяться получить в день, назначенный по контракту, хорошую собаку, а затем, в последний момент, доставить ему разочарование. К несчастью, дядюшка Клодомир, у дрессировщиков нет времени, чтобы почитать; затем они надеются на свою счастливую звезду; наконец, есть и такие, которые думают, что в следующем месяце будет сорок дней, вместо тридцати...

Всякое разочарование наносит моральный ущерб и ставит в дурное положение того, кто его причинил.

Постоянно приглашайте Ваших клиентов приезжать лично посмотреть их собак, чтобы в то же время поучиться, как надо вести их.

Этот совет мой никогда не окажется лишним.